

три премии Nebula, премия Hugo и др.

КЕЛЛИ ЛИНК

ВЛЯПАЛАСЬ!

Келли Линк

Вляпалась! (сборник)

«ACT»

2015

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(4Сое)-44

Линк К.

Вляпалась! (сборник) / К. Линк — «ACT», 2015

Загадочные существа, моделирующие в заброшенном загородном доме механическое королевство; золотая молодежь, обустраивающая собственные гробницы на египетский манер; супергерои, оккупировавшие телестудии в надежде прославиться на реалити-шоу; необъяснимое исчезновение космического корабля... В девяти остроумных рассказах Келли Линк описывает сумасшедший и чрезвычайно похожий на наш мир, в котором все, от тинейджеров до ошалевшего от кризиса среднего возраста голливудского актера, настойчиво ищут перемен... А находят все новые и новые проблемы!

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(4Сое)-44

© Линк К., 2015
© ACT, 2015

Содержание

Летние люди	6
Я вижу тебя насквозь	24
Тайная личность	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Келли Линк Вляпалась!

Kelly Link
GET IN TROUBLE
Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency.
© Kelly Link, 2015
© Перевод. М. Прокопьева, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Генри Уильяму Линку III

*Каждый год одно и то же:
Обезьяна толпу развлекает,
Нарядившись обезьяной.
Мацуо Басё*

Летние люди

Фрэн проснулась оттого, что отец брызгал на нее водой из пульверизатора – будто пытался вернуть к жизни увядшее растение.

– Фрэн, – говорил он. – Фрэн, милая! Просыпайся!

Фрэн подхватила грипп, впрочем, казалось, что это грипп подхватил Фрэн. И вот уже третий день кряду она пропускала школу. Прошлой ночью она приняла четыре капсулы «Найквила» и заснула на диване, когда на экране телевизора какой-то человек метал ножи. Голова была забита соплями, словно ватой. По лицу стекали струйки разведенных в воде удобрений.

– Хватит, – прохрипела она. – Я проснулась!

Жуткий приступ кашля вынудил ее приподняться и, прижав ладони к ребрам, сесть на диване.

Отец казался темной тенью в комнате, полной темных теней. Его мощная фигура предвещала беду. Солнце еще не вышло из-за горы, но кухня была залита бледным светом. Возле двери стоял чемодан, а на столе – тарелка с горкой яиц. Фрэн умирала от голода.

– Мне нужно ненадолго уехать, – продолжал отец. – На недельку, может, на три. Не больше. Пока меня не будет, тебе придется заниматься летними людьми. И в выходные приезжают Робертсы. Завтра или послезавтра надо закупить для них продукты. Когда будешь покупать молоко, обязательно проверь срок годности. И во всех спальнях застели чистое постельное белье. Расписание я оставил на столе. Думаю, бензина на всю поездку должно хватить.

– Подожди, – сказала Фрэн. Каждое слово причиняло ей боль. – Куда ты едешь?

Отец присел рядом с ней на диван, затем, поерзав, вытащил что-то из-под себя и показал ей: в руке у него была одна из старых игрушек Фрэн – обезьянье яйцо.

– Ты же знаешь, не нравятся мне эти штучки. Убрали бы ты их куда-нибудь…

– Мне тоже много чего не нравится, – заметила Фрэн. – Куда ты собрался?

– На церковное собрание в Майами. Нашел по Интернету, – ответил отец. Он придвигнулся ближе и потрогал рукой ее лоб. От успокоительного прикосновения прохладной ладони у нее на глазах выступили слезы. – На ощупь ты уже не такая горячая.

– Я считаю, что ты должен остаться и ухаживать за мной, – сказала Фрэн. – Ты же мой папочка.

– Да как я могу за тобой ухаживать, если и с собой справиться не могу? – ответил он. – Ты ведь не знаешь, что я натворил.

Фрэн не знала, но вполне могла догадаться.

– Ты уходил вчера вечером, – сказала она. – И пил.

– Я не про вчерашнюю ночь говорю, – сказал он. – Я говорю про всю свою жизнь.

– Это… – начала Фрэн и снова закашлялась.

Она кашляла так долго и с таким надрывом, что перед глазами у нее начали расплываться круги света. Однако, несмотря на боль между ребрами и новый приступ кашля при каждой попытке сделать глубокий вдох, «Найквил» так хорошо успокаивал, что ей казалось, будто отец декламирует стихи. У нее закрывались глаза. Может быть, позже, когда она проснется, он приготовит ей завтрак.

– Если кто станет меня искать, скажи, что я уехал. Если кто скажет тебе, что хоть что-нибудь знает заранее, Фрэн, значит, этот человек лжец или дурак. Нужно всегда быть готовым ко всему, больше ничего не поделаешь.

Он похлопал дочь по плечу и подтянул одеяло до самых ее ушей.

Когда она проснулась, уже миновал полдень. Отец давно уехал. Температура была 39 °С. От воды с удобрениями на щеках выступила красная выпуклая сыпь.

Фрэн вернулась в школу в пятницу. На завтрак она съела ложку арахисового масла и сухие хлопья. Она уже и не помнила, когда в последний раз нормально ела. Своим кашлем она распугала ворон, когда шла по окружной дороге, чтобы перехватить школьный автобус.

Первые три урока, включая математику, она тихо дремала, а потом так раскашлялась, что учитель отправил ее к медсестре. Фрэн знала, что медсестра, скорее всего, позвонит отцу и отошлет ее домой. Добраться было бы затруднительно, но ей повезло – по дороге в медкабинет Фрэн встретила у школьных шкафчиков Офелию Мерк.

У Офелии Мерк была своя машина – «лексус». Когда-то ее семья приезжала сюда только на лето, но с недавних пор Мерки обосновались здесь насовсем и теперь круглый год жили у себя в доме на озере в Хорс-Коув. Много лет назад Фрэн и Офелия вместе проводили летние деньки, играя с куклами Барби, принадлежавшими Офелии, пока отец Фрэн выкуривал дымом ос из гнезда, перекрашивал кедровую обшивку дома, сносил старый забор. С тех пор они почти не разговаривали, хотя после того лета отец Фрэн пару раз приносил домой бумажные пакеты, набитые старой одеждой Офелии. На некоторых вещах еще оставались ценники.

Потом Фрэн вдруг резко вытянулась, и подачки прекратились, – Офелия так и осталась очень миниатюрной. Несколько поняла Фрэн, во всем прочем бывшая подруга тоже почти не изменилась: была все такой же красивой, застенчивой, избалованной и легко позволяла собой командовать. Ходили слухи, что ее семья окончательно переехала в Роббинсвиль из Линчберга, после того как во время школьных танцев учительница застукала Офелию целующейся с другой девчонкой в туалете. Это ли послужило причиной переезда, либо некое должностное преступление мистера Мерка – тут уж кому какая версия ближе.

– Офелия Мерк, – сказала Фрэн. – Мне нужно, чтобы ты пошла со мной к сестре Теннант. Она отправит меня домой, и ты меня подвезешь.

Офелия открыла было рот и тут же закрыла его, кивая.

У Фрэн снова поднялась температура – до 38,9 °С. Медсестра Теннант даже выписала Офелии разрешение уйти с уроков, чтобы проводить Фрэн домой.

– Я не знаю, где ты живешь, – сказала Офелия. Они стояли на парковке, Офелия искала ключи от машины.

– Езжай по окружной дороге, – велела Фрэн. – По Сто двадцать девятой. – Офелия кивнула. – Это наверх к Уайлд-Ридж, мимо охотничих лагерей. – Усевшись в машину, Фрэн положила голову на подголовник и закрыла глаза. – Ох, черт возьми! Совсем забыла! Можешь сначала заехать в магазин? Прежде мне надо привести в порядок дом Робертсов.

– Почему бы и нет? – согласилась Офелия.

В магазине Фрэн взяла молоко, яйца, цельнозерновой хлеб для сэндвичей и мясную нарезку для Робертсов, «Тайленол» и еще «Найквил» для себя, а также замороженный апельсиновый сок, готовые буррито, которые оставалось только разогреть в микроволновке, и «Поптартс».

– Запиши на мой счет, – сказала она Энди.

– Я слышал, твой папаша влип в неприятности, – сказал Энди.

– Ага, – ответила Фрэн. – Вчера утром отправился во Флориду. Говорит, нужно с Богом объясниться.

– Твоему папаше не с Богом мириться надо, – сказал Энди.

Фрэн прижала руку к воспаленным глазам.

– Что он натворил?

– Ничего такого, чего нельзя было бы исправить, если иметь при себе бабло и с умом подойти к делу, – ответил Энди. – Передай ему, что мы об этом позаботимся, когда он вернется.

В половине случаев, когда папочка напивался, к этому были причастны Энди и его двоюродный брат Райан, и неважно, что в округе действовал сухой закон. Энди хранил у себя в фургоне самый разный алкоголь и давал его вся кому, кто изъявлял желание и знал, как попросить.

Хорошая выпивка поступала через границу округа, из Эндрюса. Однако лучшую выпивку изготавлял отец Фрэн. Все знали, что выпивка папаши Фрэн слишком уж хороша, чтобы содержать только натуральные ингредиенты. И это была сущая правда. Когда папочка Фрэн не мирился с Богом, он вечно вляпался в самые разные неприятности. Фрэн догадывалась, что на сей раз отец что-то кому-то наобещал, но теперь Бог не позволяет ему сдержать слово.

– Я передам.

Офелия с преувеличенным вниманием разглядывала состав конфет на обертке, но Фрэн видела, что ей очень интересно, о чем речь. Когда они вернулись в машину, Фрэн сказала:

– То, что ты делаешь мне одолжение, вовсе не означает, что тебе позволено совать нос в мои дела.

– О'кей, – сказала Офелия.

– О'кей, – сказала Фрэн. – Хорошо. А теперь отвезешь меня к дому Робертсов? Он там, на...

– Я знаю, где живут Робертсы, – перебила ее Офелия. – Мама все прошлое лето играла с ними в бридж.

Робертсы, как и все прочие местные жители, прятали запасной ключ под искусственным камнем. Офелия остановилась в дверях, словно ожидая приглашения.

– Ну давай, заходи, – поторопила ее Фрэн.

Дом Робертсов мало чем отличался от других здешних домов. Везде шотландка, пивные кружки «Тоби» и статуэтки собак – бегущих, приготовившихся к прыжку или бредущих, держа в приоткрытым пасти птиц.

Фрэн прибралась в гостевых спальнях и наспех пропылесосила внизу, а Офелия навела порядок в большой спальне и отловила паука, обустроившего себе жилище в корзине для мусора. Паука она вынесла на улицу. Они еще раз прошлись по комнатам, проверяя розетки и лампочки. Пока они занимались уборкой, Офелия все время что-то напевала себе под нос. Обе девушки пели в хоре, и Фрэн поймала себя на том, что невольно оценивает голос Офелии. Сoprano, теплое и одновременно легкое. Сама Фрэн пела контральто, с некоторой хрипотцой, даже когда у нее не было гриппа.

– Хватит, – вслух сказала она. Офелия обернулась и удивленно посмотрела на нее. – Это я не тебе, – пояснила Фрэн. Открыв кран в кухне, она подождала, пока струя не станет прозрачной. Потом долго кашляла и сплюнула в раковину. На часах было почти четыре. – Все, здесь мы закончили.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Офелия.

– Как будто меня всю избили, – ответила Фрэн.

– Я отвезу тебя домой, – сказала Офелия. – Там есть кто-нибудь? А то вдруг тебе станет хуже.

Фрэн не стала отвечать. Видимо, где-то между встречей возле школьных шкафчиков и уборкой в спальне Робертсов Офелия решила, что лед растоплен. Она без умолку говорила про телесериал и про субботнюю вечеринку, на которую ни одна из них не пойдет. Фрэн подумала, что когда-то давно, в Линчберге, у нее, наверное, были друзья. Офелия сокрушалась по поводу домашней работы по математике и рассказывала про свитер, который вяжет. Упомянула девчачью рок-группу, которая, как ей казалось, может понравиться Фрэн, и даже предложила записать ей диск. Пока они ехали по окружной дороге, она несколько раз восторженно воскликнула:

– Никогда не привыкну к тому, что теперь весь год живу здесь. Ну, вообще-то пока мы даже целого года тут не прожили, но... Просто здесь так красиво. Совсем другой мир, понимаешь?

– Не очень понимаю, – ответила Фрэн. – Ведь я больше нигде не была.

– А-а... – пробормотала Офелия. Однако ответ Фрэн не сильно-то охладил ее пыл. – Ну поверь мне на слово. Здесь обалденно красиво, – не унималась она. – Повсюду такая прелесть –

больно смотреть! Я обожаю утро, когда все вокруг затянуто туманом. И деревья! А за каждым поворотом дороги виден очередной водопад. Или маленькое пастбище все в цветах. И каждый раз удивляешься, будто видишь это впервые, будто не знаешь, что увидишь, до тех пор пока вдруг не окажешься прямо посреди всего этого великолепия... Ты в следующем году собираешься поступать в какой-нибудь колледж? Я подумаю о ветеринарной школе. Сомневаюсь, что выдержу еще занятия по английскому. Буду заниматься крупными животными. Никаких маленьких собачек и морских свинок. Может, поеду в Калифорнию.

– В нашей семье в колледж не поступают, – сказала Фрэн.

– А-а, – снова протянула Офелия. – Знаешь, ты ведь намного умнее меня... Так что я просто подумала...

– Сверни здесь, – велела Фрэн. – Осторожнее, дорога неасфальтированная.

Они проехали по грунтовой дороге, обрамленной лавровыми кустами, и выехали на лужок, где протекала безымянная речушка. Фрэн почувствовала, как Офелия задержала дыхание. Скорее всего, она изо всех сил старалась сдержаться и не начать восхищаться тем, как тут все красиво. А здесь, и правда, было красиво, Фрэн это знала. Самого дома почти не было видно; он, словно невеста, спрятался под фатой из глициний и вьющейся японской жимолости. Крыльцо заросло канадской розой и белым шиповником. Буйная растительность подбиралась к крыше дома, провисшей от старости. Среди луговой травы вились шмели с позолоченными лапками. На них было столько пыльцы, что она буквально тянула их к земле, мешая летать.

– Дом старый, – сказала Фрэн. – Нужна новая крыша. Прадедушка заказал этот дом по каталогу «Сирс». Его по частям подняли на гору, и все чероки, которые еще не ушли, приходили на него посмотреть. – Она сама себе удивлялась: чего доброго еще пригласит Офелию остаться на ночь.

Открыв дверь, Фрэн с трудом выбралась из машины и вытащила пакет с продуктами. Не успела она обернуться и поблагодарить Офелию за помощь, как та уже тоже вылезла из машины.

– Я подумала... – нерешительно начала Офелия. – Ну я подумала... Можно воспользоваться вашим туалетом?

– Он на улице, – без всякого выражения сказала Фрэн, но все-таки уступила: – Ладно, заходи. Это обычный туалет, просто не очень чистый.

Когда они зашли в дом, Офелия перестала болтать. Фрэн наблюдала за тем, как она осматривает груду посуды в раковине, подушку и потрепанное лоскутное одеяло на продавленном диване. Горы грязного белья возле экономичной стиральной машины на кухне. Усики ползущих растений, проникшие в дом сквозь трещины в старых оконных рамах.

– Ты небось думаешь, что это смешно, – сказала Фрэн. – Мы с отцом зарабатываем на жизнь, убираясь в чужих домах, а о своем собственном вообще не заботимся.

– Вовсе нет. Я думала о том, что кто-то должен позаботиться о тебе, – ответила Офелия. – По крайней мере, пока ты болеешь.

Фрэн пожала плечами.

– Я и сама неплохо справляюсь, – сказала она. – Ванная дальше по коридору.

Оставшись наедине с собой, Фрэн приняла две капсулы «Найквила», запив их остатками имбирного эля из холодильника. Безвкусный, зато прохладный. Потом легла на диван и, прижавшись к бугристым подушкам, с головой накрылась одеялом. У нее болели все мышцы, лицо горело, а ноги как будто превратились в две ледышки.

Мгновение спустя рядом с ней присела Офелия.

– Офелия, – сказала Фрэн, – я, конечно, благодарна тебе за то, что ты отвезла меня домой, и за помощь у Робертсов, но на девчонок я не западаю. Так что не надо ко мне клеиться.

Офелия ответила:

– Я принесла тебе стакан воды. Тебе нужно много пить.

– М-м-м... – пробормотала Фрэн.

– Знаешь, твой отец однажды заявил мне, что я попаду в ад, – сказала Офелия. – Он что-то делал у нас дома, кажется, чинил протекшую трубу... Понятия не имею, откуда он узнал. Мне было одиннадцать лет. Вряд ли я тогда сама об этом догадывалась. Ну... Во всяком случае, не была уверена. После этого разговора он перестал приводить тебя к нам играть, хотя маме я ничего не говорила.

– Мой папочка думает, что все попадут в ад, – сказала Фрэн из-под одеяла. – Мне лично все равно, куда я попаду, лишь бы все было не так, как здесь, и его там не было.

Офелия молчала минуту или две, но и не уходила, поэтому Фрэн наконец высунулась из-под одеяла. Офелия держала в руке игрушку, обезьянье яйцо, и снова и снова переворачивала его.

– Дай сюда, – сказала Фрэн. – Сейчас заведу.

Она покрутила филигранный наборный диск и поставила яйцо на пол. Игрушка яростно завибрировала. Из нижней полусферы выдвинулись две пинцетообразные ножки и хвост скорпиона, выполненные из узорчатой латуни. Яйцо встало и пошатнулось, сначала в одну сторону, затем в другую. Сочлененный хвост извивался и бил из стороны в сторону. По обе стороны верхнего полушария открылись маленькие отверстия, откуда высунулись руки и принялись стучать по куполу яйца до тех пор, пока он, издав щелчок, тоже не открылся. Оттуда выскочила обезьяня головка, на макушке которой, словно шляпка, красовалась яичная скорлупа. Обезьянка то открывала, то закрывала рот, радостно треща, вращая гранатовыми глазками и описывая руками широкие круги в воздухе. Наконец завод кончился, и все части обезьяньего тельца убрались обратно внутрь яйца.

– Что это такое? – спросила Офелия. Она взяла яйцо и провела пальцем по швам.

– Эта штуковина в нашей семье уже давно, – сказала Фрэн. Высунув руку из-под одеяла, она схватила салфетку и уже, наверное, в тысячный раз высморкалась. – Мы не украл ее, если ты об этом подумала.

– Да нет, – сказала Офелия и нахмурилась. – Просто... Я такого никогда раньше не видела. Это как яйцо Фаберже. Ему место в музее.

Были в доме и другие игрушки. Смеющаяся кошка и вальсирующие слоники, заводной лебедь, преследовавший собаку. Другие игрушки, которыми Фрэн не играла уже многие годы. Русалка, вычесывавшая из волос гранаты. Мама называла их побрякушками для малышей.

– Теперь припоминаю, – сказала Офелия. – Однажды ты пришла ко мне домой играть и принесла с собой серебристую рыбку. Она была меньше моего мизинца. Мы опустили ее в ванну, и она все плавала и плавала по кругу. Еще у тебя были маленькая удочка и золотой червячик, который дергался на крючке. Ты велела мне поймать рыбку, и когда я это сделала, рыбка заговорила. Сказала, что если я ее отпущу, она исполнит мое желание.

– Ты пожелала два куска шоколадного торта, – сказала Фрэн.

– А потом мама испекла шоколадный торт, помнишь? – проговорила Офелия. – Так что мое желание и впрямь исполнилось. Но я смогла съесть только один кусок. Может, я заранее знала, что мама собирается печь торт? Вот только зачем бы я стала загадывать торт, если бы точно знала, что и так его получу?

Фрэн молчала и, смягив веки, смотрела на Офелию сузившимися до щелочек глазами.

– Рыбка еще у тебя? – спросила Офелия.

– Да, где-то лежит, – сказала Фрэн. – Часовой механизм сломался. Она больше не исполняет желаний. Но мне как-то все равно. Она всегда исполняла только мелкие желания.

– Ха-ха, – сказала Офелия и встала. – Завтра суббота. Я загляну к тебе утром – проверить, все ли с тобой в порядке.

– Это не обязательно, – сказала Фрэн.

– Я знаю, – кивнула Офелия. – Но я приду.

Как-то раз отец Фрэн (он был пьян, но религией тогда еще не увлекался) сказал: когда делаешь для других людей то, что они в состоянии сделать сами, но предпочитают платить тебе, чтобы ты это делал вместо них, обе стороны к этому быстро привыкают.

Иной раз тебе даже не платят, и ты, попросту говоря, начинаешь заниматься благотворительностью. Поначалу испытываешь определенное неудобство, но постепенно уже не можешь без этого. А спустя какое-то время даже начинаешь чувствовать себя не в своей тарелке, если ничего для них не делаешь. Все кажется, что надо сделать что-то еще, а потом еще. Появляется чувство собственной значимости. Ведь ты им нужен. И чем больше ты им нужен, тем больше они нужны тебе. Нарушается равновесие. Запомни это, Фрэнни. Иногда ты на одном конце, а иногда на другом. Всегда нужно знать, где ты и что кому должна. Если не сможешь найти равновесие, так тут и останешься.

Накачавшись «Найквилом», Фрэн, охваченная жаром, лежала одна в скрытом за стеной роз прадедушкином доме из каталога и видела во сне – как и каждую ночь – собственное бегство. Каждые несколько часов она просыпалась в надежде, что кто-нибудь принесет ей воды. Время от времени она вся покрывалась потом, после чего замерзала в нас kvозь мокрой одежде, а потом снова начинала гореть.

Когда на следующий день пришла, хлопнув фанерной дверью, Офелия, Фрэн все еще лежала на диване.

– Доброе утро! – приветствовала ее Офелия. – Или, скорее даже, добрый день! Сейчас уже полдень. Я принесла апельсины – сделаю тебе свежевыжатый сок. А еще я не знала, что ты больше любишь – колбасу или бекон, поэтому купила два разных сэндвича.

Фрэн с трудом села на постели.

– Фрэн, – сказала Офелия. Она подошла и встала возле дивана, держа в обеих руках сэндвичи в форме кошачьих голов. – Выглядишь ты ужасно. – Она провела рукой по лбу Фрэн. – Ты вся горишь! Так и знала, что нельзя было оставлять тебя здесь одну! Что же делать? Отвезти тебя в больницу?

– Никаких врачей, – сказала Фрэн. – Они начнут выяснять, где мой отец. Принеси попить! Офелия помчалась за водой.

– Тебе нужны антибиотики, – вернувшись, сказала она. – Или что-то вроде этого. Фрэн?

– Так, – пробормотала Фрэн. Она выудила из стопки писем на полу какой-то счет и вытащила конверт для ответного письма. Затем вырвала у себя три волоса, положила их в конверт и, лизнув, заклеила его. – Отнеси это вверх по дороге, к канаве, – сказала она. – На самый верх. – Она закашлялась. Казалось, будто в легких у нее с грохотом перекатывается что-то сухое. – Когда доберешься до большого дома, обойди его и постучись в дверь. Скажи, что тебя прислала я. Хозяев ты не увидишь, но они поймут, что ты от меня. После того как постучишься, заходи. Сразу иди наверх, понимаешь, и подсунь этот конверт под дверь. Третью по коридору. На месте разберешься, под какую. Потом выходи на крыльцо и немного подожди. Принеси мне то, что они тебе дадут.

По взгляду, которым ее наградила Офелия, было ясно, что она считает, будто Фрэн бредит.

– Если там нет дома или окажется, что это не тот дом, о котором я говорю, возвращайся, и я поеду с тобой в больницу. Или если найдешь дом, но побоишься войти и не сможешь выполнить мою просьбу, возвращайся, и поедем к врачу. Но если сделаешь, как я говорю, будет, как с рыбкой.

– Как с рыбкой? – переспросила Офелия. – Я не понимаю.

– Потом поймешь. Будь смела, как девушки в балладах. – Сказала Фрэн и изо всех сил постаралась придать себе бодрый вид.

Офелия ушла.

Фрэн лежала на диване и мысленно совершила путь вместе с ней. Время от времени она подносила к глазу нечто вроде подзорной трубы – вещь гораздо более полезную, чем любая заводная побрякушка. В эту трубу виднелась грунтовая дорога; на первый взгляд она заканчивалась тупиком, но, присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть, что дорога пересекает мелкую канавку, ползущую вверх и вниз по склону горы. За лугом снова начинались лавровые кусты, а затем деревья, увитые плетистыми розами, – в этом месте Фрэн всегда казалось, будто она поднимается среди дрейфующих бело-розовых облаков. Дальше шла каменная стена, почти полностью обрушившаяся, за которой возвышался большой дом. Двухэтажный, каменный, сухой кладки, потемневший от времени, как и полуразвалившаяся стена. Шиферная крыша, длинное косое крыльцо, резные деревянные ставни, закрывавшие окна, отчего дом казался слепым. Две яблони, кривые и старые, одна – сплошь усыпанная плодами, другая – голая, серебристо-черная. Офелия отыскала мшистую тропинку между ними, которая вела к двери черного входа, где на каменной перемычке были вырезаны два слова: «БУДЬ СМЕЛА».

Фрэн видела: постучавшись, Офелия на мгновение нерешительно застыла на пороге, а затем открыла дверь.

– Здравствуйте, – позвала она. – Меня прислала Фрэн. Она болеет. Здравствуйте…

Никто ей не ответил.

Вздохнув, Офелия переступила порог и оказалась в тесном темном коридоре, по обеим сторонам которого располагались комнаты, а впереди – ведущая наверх лестница. На плитах, которые увидела перед собой Офелия, были вырезаны все те же слова: «БУДЬ СМЕЛА», «БУДЬ СМЕЛА». Несмотря на столь подбадривающее приглашение, Офелия, казалось, не имела намерения обследовать ни одну из комнат. Фрэн подумала, что это мудрое решение. Первое испытание Офелия прошла успешно. Логично было бы предположить, что за одной из дверей скрывается гостиная, а за другой – кухня, но предположение это оказалось бы ошибочным. С одной стороны находилась Комната Королевы. С другой – Военная Комната. Так, по крайней мере, называла их Фрэн.

Вдоль стен коридора громоздились кипы старых журналов, газет и каталогов, энциклопедий и готических романов. Проход стал настолько узким, что даже крошке Офелии пришлось повернуться боком, чтобы протиснуться между ними. Из бумажных пакетов и целлофановых сумок торчали кукольные ноги и изделия из серебра, теннисные трофеи и стеклянные банки, пустые спичечные коробки, зубные протезы и другие предметы. Все они наводили на мысль, что за дверями по обе стороны коридора скрывается еще больше беспорядочно сваленных в кучи ненужных вещей, и это действительно было так. У подножия лестницы на первой же ступеньке был вырезан еще один совет для гостей вроде Офелии: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ!»

Фрэн поняла: хозяева дома снова развлекались. Кто-то украсил балюстраду мишурой, плющом и павлиньими перьями. Вдоль лестницы чертежными кнопками были приколоты к стене вырезанные из фотографий фигуры, слой за слоем, один на другой. Сотни и сотни глаз следили за тем, как Офелия осторожно ставит ногу на следующую ступеньку.

Возможно, Офелия не доверяла лестнице, полагая, что та насквозь прогнила. Но лестница не таила в себе опасности. За этим домом всегда кто-нибудь следил.

Наверху лежал мягкий упругий ковер. Мох, решила Фрэн. Опять сменили обстановку. Убирать будет чертовски трудно. То там, то тут под мохом пестрели кольца красно-белых грибов. Многочисленные игрушки только и ждали, чтобы кто-нибудь в них поиграл. Заводной динозавр, на чьих медных плечах сидел дешевый пластмассовый ковбой. Под потолком – два бронированных дирижабля, привязанные к светильникам алыми ленточками. Пушки на этих аппаратах были в рабочем состоянии и неоднократно гоняли Фрэн по коридору. Потом дома

ей приходилось вытаскивать пинцетом крошечные свинцовые пульки, угодившие в голень. Однако сегодня все было спокойно.

Миновав две двери, Офелия остановилась у третьей. Ее венчало последнее предупреждение: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ УСЕРДСТВУЙ, НЕ ТО БЫСТРО В ГРУДИ ОСТАНОВИТСЯ СЕРДЦЕ». Офелия взялась за дверную ручку, но открывать не стала. Не трусила, но и не дура, подумала Фрэн. Они будут довольны. Ведь будут же?

Офелия встала на колени и подсунула под дверь конверт Фрэн. В этот момент что-то выскользнуло у нее из кармана и упало на ковер из моха.

Возвращаясь назад по коридору, Офелия остановилась возле первой двери. Похоже, она что-то услышала. Может быть, музыку? Голос, зовущий ее по имени? Приглашение? Бедное слабое сердце Фрэн едва не остановилось от радости. Офелия им понравилась! Конечно. Кому же она не понравится?

Офелия спустилась по лестнице, с трудом пробираясь сквозь горы мусора. На крыльце она села на качели, но качаться не стала. Судя по всему, одним глазом она следила за домом, а другим – за маленьким садом камней позади дома, который прилегал к горе. Был там и водопад. Фрэн надеялась, что Офелии он понравится. Раньше там ничего подобного не было. Это все для нее, все для Офелии, считавшей водопады обалденно красивыми.

Сидевшая на крыльце Офелия резко обернулась, словно почувствовала, что сзади к ней кто-то подбирается. Но там не было никого, кроме пчел-плотников, несущих домой наполненные золотом сумки, и дятла, долбившего ствол в поисках пищи. В растрепанной траве сидел трубкозуб, и чем внимательнее Офелия осматривалась, тем больше они с Фрэн видели. Под лавровым кустом дремали два лисенка. Самка оленя и олененок отрывали с молодых стволов полоски коры. По высокому уступу над домом даже шагал бурый медведь со свалявшимся с прошлой зимы мехом. Пока Офелия как зачарованная сидела на крыльце этого опасного дома, Фрэн свернулась калачиком у себя на диване. От тела волнами исходил жар. От страшного озноба стучали зубы. Она уронила подзорную трубу на пол. «Может, я умираю, – подумала Фрэн, – вот почему Офелия здесь».

Фрэн то просыпалась, то вновь проваливалась в сон, прислушиваясь, не возвращается ли Офелия. Возможно, она ошиблась, и они не станут помогать ей. Возможно, они вообще не позволят Офелии вернуться. Офелия так застенчива, так добра, так красиво поет... У нее кудрявые золотистые волосы. А им нравится все, что сверкает. В этом они похожи на сорок. Да и во многом другом тоже.

Но Офелия все-таки вернулась. Глаза ее округлились, а лицо сияло радостным возбуждением, словно наступило Рождество.

– Фрэн, – позвала она. – Фрэн, просыпайся! Я сходила туда! Я была смелой! Фрэн, кто там живет?

– Летние люди, – сказала Фрэн. – Они тебе что-нибудь для меня дали?

Офелия поставила на одеяло какой-то предмет – очень красивый, как и все, что делали летние люди. Это был флакон из перламутрового стекла размером с тюбик губной помады, который обивала эмалированная зеленая змейка, чей хвост служил пробкой. Фрэн потянула за хвост, и змейка развернулась. Из горлышка флакончика показалось древко стяга, на расправившемся шелковом полотнище которого были вышиты слова: «Выпей меня».

Офелия смотрела на все это помутневшими от обилия чудес глазами.

– Я сидела там и ждала, а мимо пробежали две маленькие лисички! Они забрались прямо на крыльце, подошли к двери и скреблись в нее до тех пор, пока она не открылась. Они зашли прямо в дом! А потом вышли, и одна из них подошла ко мне, держа в зубах бутылочку. Она положила ее у моих ног, и они ловко сбежали по ступенькам и скрылись в лесу. Фрэн, это было совсем как в сказке!..

— Да, — сказала Фрэн.

Она поднесла сосуд к губам и выпила его содержимое. Потом закашлялась, вытерла рот и лизнула тыльную сторону ладони.

— Я хочу сказать, что люди вечно что-нибудь сравнивают со сказкой, — продолжала Офелия. — Но обычно они имеют в виду, что кто-то влюбляется и женится. Живет долго и счастливо. Но этот дом, эти лисы... Вот где самая настоящая сказка. Кто они такие? Летние люди?

— Так их называет мой отец, — сказала Фрэн. — Но когда на него находит приступ религиозности, он называет их дьяволами, явившимися, чтобы украдь его душу. Это потому, что они снабжают его выпивкой. Он о них никогда не заботился. Этим всегда занималась мама. А теперь, когда ее нет, это моя работа.

— Ты у них работаешь? — переспросила Офелия. — Ну, как у Робертсов?

Фрэн вдруг почувствовала невероятное облегчение. Казалось, впервые за много дней у нее согрелись ноги, а горло смягчил медовый бальзам. Даже нос перестал болеть и выглядел не таким красным.

— Офелия... — сказала она.

— Да, Фрэн?

— Думаю, теперь я совсем скоро поправлюсь. Это твоя заслуга. Ты была храброй, оказалась настоящим другом, и мне нужно придумать, как тебя отблагодарить.

— Да я не... — возразила Офелия. — То есть я рада, что все так получилось. Рада, что ты попросила меня о помощи. Обещаю, что никому ничего не скажу.

«Если расскажешь, потом пожалеешь об этом», — подумала Фрэн, но вслух ничего не сказала.

— Офелия! Мне сейчас нужно немного поспать. А потом, если захочешь, поговорим. Можешь даже остаться тут, пока я сплю. Если хочешь. Знаешь, мне наплевать, что ты лесбиянка. В кухне на столе лежат «Поп тартс». И те два сэндвича, что ты принесла. Я люблю с колбасой. Можешь взять себе тот, что с беконом.

Она заснула прежде, чем Офелия успела ответить.

Проснувшись, Фрэн первым делом наполнила ванну и быстренько осмотрела себя в зеркало. Волосы выглядели безжизненными и сальными и были в колтунах, словно у ведьмы. Под глазами залегли глубокие тени. Она высунула язык, он был покрыт желтым налетом. Когда она вымылась и снова оделась, джинсы висели на ней мешком, и было такое ощущение, будто у нее остались только кости.

— Сейчас я могла бы съесть слона, — сказала она Офелии. — Но сэндвич в виде кошачьей головы и парочка «Поп тартс» — для начала совсем неплохо.

Офелия налила свежевыжатый апельсиновый сок в керамический кувшин. Фрэн не стала говорить ей, что отец иногда использует его как плевательницу.

— Можно задать тебе еще несколько вопросов? — спросила Офелия. — Ну, про летних людей?

— Не уверена, что смогу ответить, — сказала Фрэн. — Но давай, попробуй.

— Когда я только вошла туда, — продолжала Офелия, — то поначалу подумала, что там живет какой-то затворник. Ну знаешь, из тех, что все собирают и никогда ни с чем не расстаются. Я смотрела про них передачу по телевизору, иногда они собирают даже собственные какашки. И мертвых кошек. Это просто ужасно. Дальше все выглядело еще более странно. Но я ни разу не испугалась. Мне казалось, что там кто-то есть, но они были рады меня видеть.

— Им редко составляют компанию, — объяснила Фрэн.

— Понятно. А зачем они собирают все эти вещи? Откуда это все?

— Некоторые вещи — из каталогов. Иногда мне приходится идти на почту и забирать их заказы. Иногда они сами уезжают и что-нибудь привозят. А иной раз говорят мне, что им

нужно, и я им это достаю. В основном это вещи от Армии спасения. Однажды они велели мне купить сто фунтов медных труб.

– Зачем? – спросила Офелия. – Что они со всем этим делают?

– Мастерят разные вещи, – ответила Фрэн. – Мама так их и называла – «мастера». Не знаю, зачем им все это. Они раздают вещи. Игрушки, например. Когда делаешь для них что-нибудь, они вроде как оказываются у тебя в долг.

– Ты их когда-нибудь видела? – спросила Офелия.

– То и дело вижу, – сказала Фрэн. – Хотя… Не так уж часто, если честно. Последний раз видела, когда была намного меньше. Они стеснительные.

Офелия прямо-таки подпрыгивала на стуле.

– Ты о них заботишься? Это же замечательно! Они всегда здесь жили?

Фрэн помедлила.

– Я не знаю, откуда они взялись. Они не всегда здесь. Иногда они… где-то в другом месте. Мама их жалела. Она думала, что они не могут вернуться домой, что их откуда-то выгнали, ну… как чероки, например. Они живут намного дольше, чем другие люди, может, вообще вечно, не знаю. Мне кажется, там, откуда они пришли, время течет иначе. Иногда их нет годами. Но они всегда возвращаются. С летними людьми всегда так.

– И мы раньше то приезжали, то уезжали, – сказала Офелия. – Ты и обо мне так раньше думала. А теперь я все время живу здесь.

– Но ты-то можешь и уехать, – сказала Фрэн. Ей было все равно, как это прозвучало. – А я вот, например, не могу. Это часть уговора. Тот, кто о них заботится, должен оставаться здесь. Уехать нельзя. Они не позволят.

– Хочешь сказать, ты не сможешь уехать? Никогда?

– Да, – ответила Фрэн. – Никогда. Мама здесь застряла – до тех пор пока не родила меня. А потом, когда я подросла, я ее заменила. И она ушла.

– Куда она ушла?

– Это вопрос не ко мне, – сказала Фрэн. – Они дали маме палатку, которая складывается до размеров носового платка. Когда ставишь ее, с виду это обыкновенная палатка на двоих, но внутри все совсем иначе. Как в коттедже – две кровати с латунными каркасами, шкаф для одежды и белья, стол и застекленные окна. Когда смотришь в одно окно, видишь то, что на самом деле происходит снаружи, а когда смотришь в другое, всегда видишь те две яблони, которые растут перед домом, и мшистую тропинку между ними. Помнишь?

Офелия кивнула.

– Так вот, мама ставила эту палатку, когда у папаши случался запой, и мы с ней там отсиживались. А потом она переложила на меня заботу о летних людях, и однажды утром, после того как мы провели ночь в палатке, я проснулась и увидела, как она вылезает в окно. То самое, которого там быть не должно. Она пошла по тропинке и скрылась из виду. Может, надо было пойти за ней, но я осталась…

– Куда она пошла? – спросила Офелия.

– Здесь ее нет, – сказала Фрэн, – и больше я ничего не знаю. Так что я должна оставаться вместо нее. Бряд ли мама когда-нибудь вернется.

– Как же она могла бросить тебя? – сказала Офелия. – Это неправильно, Фрэн.

– Знаешь, мне бы так хотелось уехать отсюда, хотя бы ненадолго, – сказала Фрэн. – Побывать в Сан-Франциско и увидеть мост Золотые Ворота… Помочить ноги в Тихом океане… Еще я хотела бы купить гитару и исполнять на улицах старые баллады… Хотя бы немножко отдохнуть, а потом уж снова надеть на себя это ярмо.

– Я бы с радостью съездила в Калифорнию, – сказала Офелия.

Они помолчали минутку.

— Я бы хотела тебе помочь, — продолжала Офелия. — Ну, с домом этим и летними людьми. Нехорошо, что тебе все всегда приходится делать одной.

— Я и так уже у тебя в долгую, — напомнила Фрэн, — за помощь у Робертсов. За то, что ухаживала за мной, пока я болела. За то, что ты для меня сделала, когда пошла в тот дом.

— Я знаю, каково это, когда ты совсем одна, — воскликнула Офелия. — Когда не с кем поговорить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь. Я серьезно, Фрэн…

— Я вижу, что ты говоришь серьезно, — сказала Фрэн. — Но вряд ли ты сама понимаешь, о чем говоришь. Если хочешь, можешь еще раз туда сходить. Ты оказала мне большую услугу, и я не знаю, как тебя отблагодарить… В том доме есть спальня, и если в ней переночевать, увидишь свое самое сокровенное желание. Я могла бы отвести тебя туда сегодня вечером и показать эту комнату. Так или иначе, думаю, ты там кое-что потеряла.

— Правда? — спросила Офелия. — Что именно? — Она проверила карманы. — Ох, черт возьми! Айпод. Как ты узнала?

Фрэн пожала плечами.

— Ну, в любом случае его там никто не украдет. Думаю, они будут рады снова тебя видеть. Если бы ты им не понравилась, то уже поняла бы это.

Фрэн затеяла уборку, чтобы наконец ликвидировать чудовищный беспорядок, который они с отцом развели у себя дома, и тут летние люди дали ей знать, что им кое-что нужно.

— Могу я хоть минутку потратить на себя? — проворчала она.

Они напомнили ей, что у нее на это было целых четыре дня.

— И я это время ценю особенно, — сказала она, — учитывая, как паршиво мне было.

Но все же поставила сковородку отмокать в раковине и записала, что от нее требовалось.

Она убрала все игрушки, недоумевая, с чего это ей вдруг приспичило их достать. Может быть, из-за мыслей о маме — когда она болела, то всегда думала о маме. И в этом нет ничего странного.

Офелия вернулась в пять часов вечера. Она собрала волосы в хвост и принесла фонарик и термос. Верно, вообразила себя Нэнси Дрю¹.

— Здесь так рано темнеет, — заметила Офелия. — Такое ощущение, что наступил Хэллоуин. Как будто ты ведешь меня в дом с привидениями.

— Они не призраки, — сказала Фрэн. — И не демоны. Ничего подобного. Они не причинят тебе вреда, если только ты их не разозлишь. Вот тогда они тебя разыграют и вслать повеселятся.

— Разыграют? Как? — спросила Офелия.

— Однажды я мыла посуду и случайно разбила чашку, — сказала Фрэн. — Они подобрались ко мне и больно ушипнули за руку. — След на руке оставался до сих пор, хотя прошло уже много лет и она больше никогда ничего не разбивала. — В последнее время они увлеклись тем же, чем тут все увлекаются. Ролевыми играми. Военные реконструкции… Превращают большую комнату внизу в поле боя. Только это не Гражданская война. Думаю, это что-то из их войн. Они построили себе воздушные корабли и подводные аппараты, механических драконов и рыцарей и самые разные маленькие игрушки и сражаются с их помощью. Иногда им становится скучно, и они приглашают меня как зрителя, только вот не всегда внимательно следят за тем, куда нацеливают свои пушки.

Она посмотрела на Офелию и поняла, что сболтнула лишнее.

— Ну ко мне-то они привыкли. Знают же, что у меня нет выбора, а значит, с их поведением приходится мириться.

¹ Нэнси Дрю — героиня детективов для детей. (Здесь и далее примеч. пер.).

Днем ей пришлось ехать в Чаттанугу, чтобы зайти в один комиссионный магазин. Они отправили ее за подержанным DVD-плеером и снаряжением для верховой езды, а еще велели скупить все купальники в округе. Вместе с оплатой бензина это обошлось ей в семьдесят долларов. И всю дорогу горела сигнальная лампа. Хорошо, что в этот день не надо было идти школу. Сложно объяснить учителю, что ты прогуливаешь уроки, потому что голоса у тебя в голове срочно потребовали купить седло.

Потом она занесла покупки в дом. Айпод лежал прямо перед дверью.

– На, – сказала Фрэн. – Я принесла его назад.

– Мой айпод! – воскликнула Офелия, повернув его в руках. – Это они сделали?

Айпод теперь весил немного больше. Он обзавелся красно-коричневым футляром из ореха, инкрустированным рисунком из черного дерева и позолоты, взамен старого футляра из розового силикона.

– Стрекоза, – сказала Офелия.

– Змеиный доктор, – сказала Фрэн. – Так их называет мой отец.

– Это они для меня сделали?

– Они разукрасят даже джинсовую куртку со стразами, если случайно ее там забудешь, – усмехнулась Фрэн. – Честное слово. Они просто не могут оставить вещь просто лежать.

– Классно, – сказала Офелия. – Хотя мама ни за что мне не поверит, если я скажу, что купила футляр в торговом центре.

– Только не бери с собой ничего металлического, – предупредила Фрэн. – Никаких сережек, даже ключи от машины не бери. А то проснешься и увидишь, что они их расплавили, сделали доспехи для кукол или бог знает что еще.

Дойдя до места, где дорогу пересекала канава, они сняли обувь. Совсем недавно здесь сошел снег и вода была очень холодной.

– Наверное, надо было принести хозяевам какой-нибудь подарок, – предположила Офелия.

– Можешь собрать для них букет полевых цветов, – сказала Фрэн. – Но точно так же их порадует немного падали.

– Опавшие листья? – переспросила Офелия.

– Животные, которых сбило машиной, – объяснила Фрэн. – Но и листья сгодаются.

Офелия нажала на панель айпада.

– Тут, оказывается, песни, которых раньше у меня не было.

– Музыку они тоже любят, – сказала Фрэн.

– Ты говорила, что хочешь поехать в Сан-Франциско и выступать на улице, – напомнила Офелия. – Я такого даже вообразить не могу.

– Ну, – сказала Фрэн, – конечно, я никогда этого не сделаю, но вообразить могу без труда.

Наконец они добрались до дома. На зеленой лужайке неподалеку паслись олени. Угасающий свет дня озарял деревья: живое и мертвое. На балках над крыльцом висели гирлянды китайских фонариков.

– К дому нужно подходить по тропинке между деревьями, – сказала Фрэн. – Прямо по тропинке. Иначе к нему вообще не подберешься. И я всегда хожу только через черный вход.

Она постучала в дверь. Будь смела, будь смела.

– Это опять я, – сказала она. – И Офелия со мной. Та, что оставила айпод.

Увидев, что Офелия открыла рот, она поспешно перебила ее:

– Не надо. Они не любят, когда их благодарят. Это для них как яд. Заходи. *Mi casa es su casa*². Сейчас я тебе все покажу.

Они перешагнули через порог. Фрэн шла первой.

– Сзади комната с насосом, где я обычно стираю, – сказала она. – Есть еще большая каменная печь и мангал, хотя не понимаю, зачем он им. Мясо они не едят. Но тебе, наверное, это не интересно.

– А в этой комнате что? – спросила Офелия.

– Хм, – фыркнула Фрэн. – Ну, прежде всего, куча старья. Я же говорила: они обожают собирать барахло. А за всем этим барахлом, подозреваю, прячется Королева.

– Королева?

– Ну, это я ее так называю. Знаешь, как у пчел? Глубоко в сотах сидит королева, и все рабочие пчелы ей прислуживают… Насколько я понимаю, что-то подобное происходит и здесь. Королева очень большая и не особенно красивая, и они все время бегают туда-сюда, носят ей еду. Не думаю, что она уже совсем взрослая. Я уже давно размышляю над тем, что говорила мама: может, этих летних людей и вправду откуда-то выгнали. У пчел ведь тоже так бывает, да? Они улетают и строят новый улей, когда королев становится слишком много.

– Да, кажется так, – согласилась Офелия.

– Это у Королевы папочка берет алкоголь, и она его не беспокоит. У них там что-то вроде перегонного куба, и то и дело, когда папаша не слишком ударяется в религию, он заходит туда и берет по чуть-чуть. На вкус выпивка ужасно сладкая.

– А они… Они сейчас нас слушают?

В ответ из Военной комнаты донеслась череда стуков.

Офелия подскочила.

– Что это? – спросила она.

– Помнишь, я тебе про ролевые игры рассказывала? – сказала Фрэн. – Ты не бойся, это довольно клево.

Она слегка подтолкнула Офелию в сторону Военной комнаты.

Из всех помещений в доме эта комната нравилась Фрэн больше всего, хотя там с воздушных кораблей на нее сбрасывали бомбы или стреляли из пушек – никто не обращал внимания на то, где она стоит. Стены покрывали олово и медь – куски металлома, приколоченные дешевыми гвоздями. Пол был усеян различными предметами, изображавшими уменьшенные горы, леса и равнины, где миниатюрные войска вели отчаянные сражения. Возле большого венецианского окна стоял детский бассейн с машинкой, которая создавала волны. В нем плавали кораблики и маленькие подводные лодки. Иногда один из кораблей шел ко дну, и по краям бассейна всплывали тела. Бесконечно плавал по кругу сделанный из труб и металлических колец морской змей. Ближе к двери лениво протекала красная, дурно пахнущая речка с бугристыми берегами. Летние люди постоянно перебрасывали через нее миниатюрные мосты, а затем взрывали их.

Наверху парили фантастического вида дирижабли. Подвешенные на ниточках драконы водили непрерывные хороводы. Рядом с ними висела туманная сфера, закрепленная каким-то неведомым Фрэн способом и подсвеченная неизвестно откуда лившимся светом. Она то парила под разукрашенным потолком много дней подряд, то опускалась за борт пластикового моря, согласно какому-то таинственному расписанию, составленному хозяевами.

– Я как-то была в одном доме, – сказала Офелия. – У кого-то из друзей отца. Кажется, анестезиолога… У него в подвале была модель железной дороги, жутко сложная. Он бы умер на месте, увидев все это.

² Мой дом – твой дом (*исп.*).

– Вон там, я думаю, Королева, – показала Фрэн. – Видишь – в окружении рыцарей. А вон еще одна, гораздо меньшее. Интересно, кто в конце концов победил?

– Может, сражение еще не состоялось? – предположила Офелия. – Или оно сейчас в самом разгаре?

– Возможно, – согласилась Фрэн. – Жаль, нет какой-нибудь книги, в которой бы объяснялось, что происходит. Идем. Покажу тебе комнату, в которой можно спать.

Они поднялись по лестнице. Будь смела, будь смела, но не слишком. Ковер из моха на втором этаже уже выглядел потрепанным.

– На прошлой неделе я целый день простояла на четвереньках, пока мыла пол. Ну а на следующий день они, разумеется, залили тут все грязью и черт знает чем еще. Конечно, не им же придется все это убирать.

– Я могу помочь, – предложила Офелия. – Если хочешь.

– Вообще-то я не думала просить тебя о помощи. Но раз сама предлагаешь, пожалуй, соглашусь. За первой дверью ванная комната, – сказала Фрэн. – В туалете нет ничего необычного. Но за ванну поручиться не могу. Мне никогда не доводилось в ней сидеть.

Она открыла вторую дверь.

– А спать можно здесь.

Это была великолепная комната, вся в золотых, розовых и мандариновых тонах. Стены украшали разнообразные листья и лозы, выполненные из платьев, футболок и прочих тряпок. Мать Фрэн почти целый год моталась по комиссионным магазинам, подбирая одежду по узорам, текстуре и цвету. Между листьями шныряли змейки и рыбки, покрытые сусальным золотом. Фрэн помнила: когда утром всходило солнце, все это великолепие делалось таким ослепительно ярким, что на него было больно смотреть.

На кровати лежало сумасшедшего вида розовое с золотым стеганое одеяло. Сама кровать по форме напоминала лебедя. У ее изножья стоял плетеный сундук, куда можно было складывать одежду. Матрас был набит вороньим пухом. Фрэн помогала матери отстреливать ворон и ощипывать их. По ее подсчетам, они убили около сотни птиц.

– Ух ты! – восхищенно прошептала Офелия. – Я все время это повторяю: ух ты! ух ты!

– Мне всегда казалось, что находиться в этой комнате – все равно что застрять в бутылке апельсинового лимонада, – сказала Фрэн. – Но в хорошем смысле.

– Я люблю апельсиновый лимонад, – сказала Офелия. – Но это больше похоже на открытый космос.

На полу возле кровати стояла стопка книг. Как и все в этой комнате, книги были подобраны по цвету обложек. Мать Фрэн рассказывала ей, что раньше в комнате царили другие цвета. Может быть, зеленый и синий? Цвета ивы, павлиньих перьев и полуночи? И кто тогда собирал вещи для украшения комнаты? Прадедушка Фрэн или какой-нибудь еще более дальний предок? Кто первым начал заботиться о летних людях? Мама неохотно рассказывала об этом, и Фрэн знала лишь часть истории.

Так или иначе, трудно было угадать, что обрадует Офелию, а что обеспокоит. После стольких лет все это по-прежнему в равной степени радовало и беспокоило саму Фрэн.

– Та дверь, под которую ты подсунула мой конверт… – наконец сказала она. – Вот туда ты никогда не должна входить.

Офелия с интересом посмотрела на нее.

– Как в сказке про Синюю бороду, – сказала она.

– Через эту дверь они приходят и уходят, – объяснила Фрэн. – Хотя, по-моему, они нечасто ее открывают.

– Как-то раз она заглянула в замочную скважину и увидела кровавую реку. Она была готова поклясться, что стоит только войти в эту дверь, и обратно уже не вернешься.

– Могу я задать тебе еще один глупый вопрос? – спросила Офелия. – Где они сейчас?

– Здесь, – ответила Фрэн. – Или в лесу бегают за козодоями. Я же говорила, я их редко вижу.

– А как же они сообщают тебе, что ты должна для них сделать?

– Они у меня в голове, – сказала Фрэн. – Это сложно объяснить. Они просто проникают туда и начинают меня тыкать. Как будто у меня что-то сильно чешется, но если сделать то, что они от меня хотят, это ощущение проходит.

– Ох, Фрэн, – вздохнула Офелия. – Что-то эти твои летние люди уже не так сильно мне нравятся.

Фрэн ответила:

– Это не всегда ужасно. Скорее, сложно.

– Думаю, когда мама в следующий раз скажет, что я должна помочь ей отполировать серебро, я не буду жаловаться. Сэндвичи съедим сейчас или оставим на тот случай, если проснемся посреди ночи? – спросила Офелия. – Мне почему-то кажется, что когда увидишь свое самое заветное желание, сразу захочется есть.

– Я не могу остаться, – удивленно сказала Фрэн. Заметив растерянное выражение на лице Офелии, она добавила: – Ох, черт возьми! Я думала, ты поняла. Это для тебя одной.

Офелия продолжала с сомнением смотреть на нее.

– Это потому, что здесь только одна кровать? Я могу спать на полу. Ну в смысле, если ты боишься, что я собираюсь к тебе клеиться.

– Да не в этом дело, – сказала Фрэн. – Они позволяют человеку спать здесь только однажды. Один раз, и не больше.

– Значит, ты хочешь оставить меня здесь одну? – спросила Офелия.

– Да, – ответила Фрэн. – Ну конечно, если ты не боишься. Если не решишь вернуться со мной.

– А если я сейчас уйду, смогу я потом вернуться? – спросила Офелия.

– Нет.

Офелия села на золотое покрывало и погладила его рукой.

– Хорошо. Я останусь. – Она рассмеялась. – Разве я могу поступить иначе? Правда же?

– Ну если ты в этом уверена, – сказала Фрэн.

– Да ни в чем я не уверена, но я не вынесу, если ты меня сейчас прогонишь, – ответила Офелия. – Когда ты спала здесь, тебе было страшно?

– Немного, – призналась Фрэн. – Но кровать очень удобная, и я не выключала свет...
Сначала я немного почитала, а потом заснула.

– И ты видела свое заветное желание? – спросила Офелия.

– Видела, – коротко ответила Фрэн.

– Тогда ладно, – вздохнула Офелия. – Наверное, тебе пора. Ведь пора?

– Я вернусь утром, – сказала Фрэн. – Буду здесь еще до того, как ты проснешься.

– Спасибо, – сказала Офелия.

Но прежде чем уйти, Фрэн, помедлив, спросила:

– Ты и в самом деле серьезно говорила, что хочешь мне помочь?

– За домом присматривать? – уточнила Офелия. – Да, абсолютно серьезно. Тебе действительно надо как-нибудь съездить в Сан-Франциско. Это несправедливо, что ты должна просидеть здесь всю жизнь и даже не можешь устроить себе каникулы. Ты ведь не рабыня, верно?

– Я не знаю, кто я, – сказала Фрэн. – Наверное, когда-нибудь мне придется в этом разобраться.

– Короче, поговорим об этом завтра, – сказала Офелия. – За завтраком. Ты расскажешь про самые неприятные стороны этой работы, а я – про заветное желание.

– Да, вот еще что! – спохватилась Фрэн. – Чуть не забыла! Не удивляйся, если завтра, когда проснешься, увидишь, что летние люди оставили тебе подарок. Это будет что-нибудь, что, по их мнению, тебе нужно, или то, что ты хочешь получить. Но ты вовсе не обязана принимать его. Пусть тебя не заботит, что поступаешь невежливо.

– Хорошо, – согласилась Офелия. – Я подумаю, насколько мне нужен этот подарок и хочется ли мне его получить. Не позволю фальшивому блеску себя обмануть, – засмеялась она.

– Ну все, – сказала Фрэн. Затем наклонилась к сидевшей на кровати Офелии и поцеловала ее в лоб. – Спокойной ночи, Офелия. Приятных снов.

Летние люди никак не помешали Фрэн покинуть дом. Хотя она и сама не знала, стоило ли ожидать каких-либо препятствий с их стороны. Спускаясь по лестнице, она сказала куда более свирепо, чем планировала изначально:

– Относитесь к ней хорошо. Никаких розыгрышей!

Она проверила, как Королева. Та снова линяла.

Фрэн вышла через парадную дверь, а не через черный вход. Ей всегда хотелось это сделать. Ничего плохого не случилось, и она шла по склону холма, испытывая странную неловкость. Она обдумала все еще раз, прикидывая, что ей еще осталось сделать, и в конце концов решила, что летние люди сами обо всем уже позаботились.

Как выяснилось, не обо всем. Подойдя к своему дому, она увидела гитару возле стены. Это был красивый инструмент с серебряными струнами. Когда она их коснулась, раздался чистый, мелодичный звук, напомнивший ей – как, вне всякого сомнения, и предполагалось – голос Офелии, когда та пела. Золотые колки были выполнены в форме совиных голов, а дека была инкрустирована перламутровыми розочками. Более кричащей безделушки они еще не дарили.

– Ну что ж, – вслух сказала Фрэн. – Наверное, вы не в обиде, что я ей кое-что рассказала. – Почувствовав облегчение, она громко рассмеялась.

– Это кому же и что ты рассказала? – раздался чей-то голос.

Фрэн схватила гитару и выставила ее перед собой, словно оружие.

– Папа?

– Положи на место, – сказал все тот же голос. Из-за розовых кустов показался какой-то человек. – Я не твой чертов папаша! Но мне бы очень хотелось знать, где он.

– Райан Шумейкер, – узнала его Фрэн. Она положила гитару на землю. К первому мужине подошел второй. – И Кайл Рэйни.

– Здорово, Фрэн, – приветствовал ее Кайл. – Мы ищем твоего папаню, как Райан и сказал.

– Если позвонит, я ему передам, что вы его искали, – ответила Фрэн.

Райан закурил сигарету, глядя на Фрэн поверх огонька.

– Мы хотели поговорить с твоим папашей, но, думаю, ты вполне могла бы его заменить и помочь нам.

– Вот уж вряд ли, – сказала Фрэн. – Но давай, говори, в чем дело.

– Твой папаша должен был вчера ночью завезти нам той сладкой штуки, – сказал Кайл. – Да только вот пока он к нам ехал, видать, слишком много об этом думал, а думать твоему папочке вообще вредно. Он решил, будто Иисус хочет, чтобы он вылил все до последней капли, и именно этим он и занимался всю дорогу под гору. Не будь он таким везучим, что-нибудь бы вспыхнуло неподалеку, но, видно, Иисус пока не жаждет встречаться с ним лично.

– И мало того, – прибавил Райан, – когда он доехал до магазина, Иисус пожелал, чтобы он влез в фургон и разбил весь алкоголь Энди. К тому времени, как мы поняли, что происходит, там почти ничего не осталось, кроме двух бутылок ликера и упаковки из шести бутылок крюшона.

– Одна из них тоже разбилась, – уточнил Кайл. – А потом он смылся, прежде чем мы успели с ним поговорить.

– Что ж, я вам сочувствую, но не могу взять в толк, какое отношение это имеет ко мне? – сказала Фрэн.

– А вот какое: мы тут пораскинули мозгами и решили, что твой папаша запросто мог бы обеспечить нам доступ к некоторым из лучших домов в округе. Я слышал, люди, что приезжают сюда на лето, не прочь покутить.

– То есть, – сказала Фрэн, – если я вас правильно поняла, вы рассчитываете, что отец возместит вам ущерб, став при этом соучастником кражи?

– Он мог бы выплатить компенсацию бедняге Энди, – заметил Райан. – Привезти еще этой сладкой выпивки.

– Ну на этот счет ему надо будет посоветоваться с Иисусом, – сказала Фрэн. – Думаю, ваше второе предложение осуществимо, но вам, скорее всего, придется подождать, пока они с Иисусом не устанут друг от друга.

– Дело вот в чем, – сказал Райан. – Я, видишь ли, человек не особо терпеливый. Может, твоего папаши сейчас тут и нету, но ты-то здесь. И думаю, ты могла бы провести нас в пару домов.

– Или указать, где папаша хранит личные запасы, – добавил Кайл.

– А если я не стану делать ни того, ни другого? – спросила Фрэн, скрестив руки на груди.

– А вот это интересный поворот, Фрэн, – сказал Кайл. – В последние несколько дней у Райана настроение хуже некуда. Вчера вечером в баре он укусил шерифа в руку. Потому мы и не подъехали раньше.

Фрэн сделала шаг назад.

– Подождите, ладно? Я вам кое-что расскажу, если пообещаете не говорить папе. О’кей? Вверх по дороге есть один старый дом, о котором никто, кроме нас с папой, не знает. В нем никто не живет, и папа держит там перегонный куб. Там вообще многое всего. Я вас туда отведу. Только не говорите отцу, что я это сделала.

– Конечно, не скажем, солнышко, – заверил ее Кайл. – Зачем же нам вносить разлад в вашу семью? Мы просто хотим получить свое.

И вот Фрэн снова отправилась вверх по склону горы по той же дороге. Перебираясь через канаву, она промочила ноги, но старалась держаться впереди, подальше от Кайла и Райана, насколько это было возможно.

Когда они добрались до дома, Кайл удивленно присвистнул.

– Ничего себе! Нехилые руины...

– Это еще что! Сейчас увидишь, что там внутри, – сказала Фрэн. Она подвела их к черному входу и открыла двери. – Вы уж простите, тут темно. Электричество часто выходит из строя. Папа обычно приносит с собой фонарик. Хотите, я за ним сбегаю?

– У нас есть спички, – сказал Райан. – Оставайся здесь.

– Куб стоит в комнате справа. Смотрите, куда наступаете. У папы там целый лабиринт из старых газет и всякого барахла.

– Темно, будто в аду в полночь, – буркнул Кайл, пробираясь на ощупь по коридору. – Кажись, я у двери. По запаху – как раз то, что нужно. В общем, буду идти на запах. Тут же нет никаких ловушек, правда?

– Нет, сэр, – сказала Фрэн. – Иначе отец давно бы уже сам в них угодил.

– Тогда уж можно и осмотреться, – решил Райан. Единственным источником света служил горящий кончик его сигареты.

– Да, сэр, – сказала Фрэн.

– А сортира среди этого бардака нет?

– Третья дверь налево на втором этаже, – сказала Фрэн. – Ее трудно не заметить.

Она дождалась, пока он поднимется по лестнице, и снова выскользнула на улицу через черный вход, прислушиваясь, как Кайл неуклюже продвигается на середину комнаты Королевы. Интересно, что Королева подумает о Кайле? За Офелию она ни капли не волновалась. Офелия была приглашенной гостьей. Да и летние люди никогда не давали в обиду тех, кто о них заботится.

Когда она вышла, один из летних людей сидел на качелях на крыльце и затачивал острым ножом кончик палки.

– Добрый вечер, – сказала Фрэн, кивая.

Человек даже не взглянул на нее. Он был красив до рези в глазах – но не смотреть было невозможно. Вот так они тебя и ловят, подумала Фрэн. Как фонарем в глаза дикому зверю... Наконец она заставила себя отвернуться и сбежала вниз по ступенькам с такой скоростью, словно за ней гнался сам дьявол. На мгновение она все же остановилась и оглянулась. Он все еще сидел на крыльце и с улыбкой затачивал эту несчастную палку.

* * *

Добравшись до Нью-Йорка, Фрэн продала гитару. На то, что осталось от отцовских двухсот долларов, купила билет на «Грейхаунд» и пару бургеров на автовокзале. Гитара принесла еще шесть сотен, на них она приобрела билет до Парижа, где познакомилась с парнем из Ливана, который жил на старой фабрике. Однажды, вернувшись со своей нелегальной работы в отеле, она увидела, как он роется в ее рюкзаке. В руке он держал обезьянье яйцо. Он завел его и поставил танцевать на грязном полу. Вдвоем они смотрели на него, пока не кончился завод.

– *Très jolie*³, – сказал он.

Прошло несколько дней после Рождества. В волосах у нее таял снег. На фабрике не было ни отопления, ни проточной воды. Ее уже несколько дней мучил кашель. Она сидела рядом со своим парнем, и когда тот снова начинал заводить яйцо, протягивала руку, чтобы его остановить.

Она не помнила, как, собираясь в дорогу, положила его в сумку. Скорее всего, она этого и не делала. Возможно, у них были и зимние дома, а не только летние. Она готова была поспортить, что они могли о себе позаботиться.

Через несколько дней ливанец сбежал – видимо, в поисках местечка потеплее. Обезьянье яйцо он прихватил с собой. После этого на память о доме у Фрэн осталась только палатка, которую она хранила сложенной, как грязный носовой платок, у себя в кошельке.

Прошло уже два года, и Фрэн, убирая комнаты в пансионе, то и дело закрывает дверь, ставит палатку и забирается внутрь. Она смотрит в окно на две яблони, живую и мертвую, и говорит себе, что однажды, совсем скоро, настанет день, когда она вернется домой.

³ Очень мило (*фр.*).

Я вижу тебя насовсем

Когда произошла эта история секс-видео и с Фаун все пошло наперекосяк, демон-любовник⁴ поступил так, как всегда поступал в таких случаях. Отправился к Мэгги – плакаться в жилетку. Девушки вроде Фаун как появлялись в его жизни, так и исчезали, а Мэгги будет с ним всегда. Он и Мэгги… Она, как талисман, который хранишь в кармане. Который нельзя потерять.

Два монстра могут поцеловаться в кино. Один старый друг может прийти к другому старому другу и быть уверенным, что его здесь ждут. И вот демон-любовник взял машину напрокат. После часа пути ему приходит в голову открыть окно арендованного автомобиля и вышвырнуть мобильник. Ни с кем, кроме Мэгги, он говорить не хочет.

(1991) Это сразу после фильма, и после того как они сошлись, и после того как начали осознавать, на какую сделку согласились. Оба вдруг стали очень знаменитыми.

Сцены фильма можно снимать как угодно. В любом порядке. Делать столько дублей, сколько хочется. Последовательность отснятых кадров не имеет никакого отношения к линейному времени. Иногда тебя даже нет в сцене. Мэгги говорит свой текст своему дублеру. Позже вас вместе склеят. Поезжайте в Буффало, девчонки. Пошли гулять сегодня вечером.

(Это все происходит задолго до того. Это было очень давно.)

Мэгги рассказывает демону-любовнику историю:

Две девушки, и – ты только представь себе – они нашли «говорящую доску». Составляют список вопросов. Одна девушка красивая. Вторая девушка не играет особенной роли в этой истории. Она потеряла любимый свитер. Касается пальцами планшетки. Две девушки, и обе слегка касаются планшетки. Есть ли здесь кто-нибудь? Куда я положила свой синий свитер? Меня когда-нибудь кто-нибудь полюбит? И все в таком духе.

Они задают вопросы. Планшетка двигается. Выдает какую-то чушь. Они начинают сначала. Здесь есть кто-нибудь? Стану ли я знаменитой? Где мой синий свитер?

Планшетка дергается под их пальцами.

М-Э

Мэгги говорит:

– Это ты сделала?

Вторая отвечает: нет, она ничего не делала. Планшетка снова приходит в движение, нервно подрагивает. Запинается, дергается, шатается и останавливается.

М-Э-Г-Г-И

– Она с тобой разговаривает, – говорит вторая девушка.

М-Э-Г-Г-И П-Р-И-В-Е-Т

Мэгги отвечает:

– Привет…

Планшетка двигается снова и снова. В этом есть что-то звериное.

П-Р-И-В-Е-Т Я С Т-О-Б-О-Й Я В-С-Е-Г-Д-А С Т-О-Б-О-Й

Они все записывают.

М-Э-Г-Г-И Я В-С-Е-Г-Д-А Б-У-Д-У Л-Ю-Б-И-Т-Ь Т-Е-Б-Я

– Кто это? – спрашивает она. – Кто ты? Я тебя знаю?

Я В-И-Ж-У Т-Е-Б-Я Я З-Н-А-Ю Т-Е-Б-Я Ж-Д-И И Я П-Р-И-Д-У

Пауза. Затем:

⁴ Автор обыгрывает устоявшееся значение выражения «demon lover» («страстный, неутомимый любовник») и его буквальный смысл, отраженный в переводе.

Я П-Р-И-Д-У М-Э-Г-Г-И Я В-С-Е-Г-Д-А Б-У-Д-У С Т-О-Б-О-Й

– Это ты делаешь? – спрашивает Мэгги вторую девушку. Та качает головой.

М-Э-Г-Г-И Ж-Д-И

Вторая девушка говорит:

– Не может ли тот, кто это делает, хотя бы сказать мне, куда я положила свитер?

Мэгги говорит:

– Ладно, кто бы ты ни был... Подожду. Думаю, что могу немного подождать. Я не очень люблю ждать, но подожду.

О Ж-Д-И И Я П-Р-И-Д-У

Они ждут. Может быть, раздастся стук в дверь спальни? Но никто не приходит. Никто не придет.

Я В-С-Е-Г-Д-А С Т-О-Б-О-Й

С ними никого нет. Свитер так никогда и не найдется. Вторая девушка вырастет и проживет долгую и счастливую жизнь. Мэгги поедет в Лос-Анджелес и встретит демона-любовника.

Ж-Д-И

После этого планшетка больше ничего не говорит, только снова и снова повторяет имя Мэгги. Все это очень романтично.

(1974) Из нудистской колонии на озере Апопка исчезли двадцать два человека. Люди все время исчезают. Давайте по-честному: единственная интересная деталь здесь – то, что эти люди были голые. И что их больше никто никогда не видел. Забавно, не правда ли?

(1990) Это один из десяти самых культовых кинопоцелуев всех времен. И даже входит в первую пятерку. Ты и Мэгги, демон-любовник и его чудовищная девушка; вампиры целуются на фоне рассвета. Вы оба покрыты таким слоем грима, что остается только удивляться, как это вас узнают на улице.

Демону-любовнику тяжело стареть.

Флорида – это Калифорния с бюджетом фильмов студии «Трома». По крайней мере, такой ее видят демон-любовник. Отдел спецэффектов спустил все деньги на насекомых и плохую погоду.

Он паркуется на недавно подстриженном газоне рядом с другими арендованными машинами и обычными рабочими фургонами обслуживающего персонала. Перед ним – два столба с цепью между ними. Забора нет. «И с вечностью пре буду наравне».

В воздухе витает запах зла. Откуда он исходит: от этого места или от него самого? Демон-любовникнюхает подмышку.

Небо такое, словно вот-вот наступит конец света, а пейзаж – из игры «Лила»: кривоватые стволы изумрудных деревьев, оплетенные ползучими растениями, которые, как кажется, тянут их книзу; рыжевато-белесые холмики муравейников (демону-любовнику представляется, что под каждым из них зарыты кости пропавших нудистов); мелкие, наполненные водой и зацветшие от ряски ямки на склонах, зеленоватые, золотистые и совсем черные.

Похожее на пятно озеро. Вот еще одна версия: озеро.

Надвигается буря.

Он не выходит из машины. Опускает стекло и наблюдает за приближающимся ураганом. Посмотрим, как это выглядит. Красивое существо, наблюдающее за красивым событием. Заброшенная площадка массовых исчезновений, мутно-фиолетовые облака, серебристая вуаль дождя, рассекающего озеро, и вот таблоидный принц тьмы, демон-любовник Мэгги, появляется во всей красе. Единственное, что портит идеальную картину, – это жуки. И секс-видео.

(2012) Вы были знаменитостями больше половины своей жизни. Вы оба. Вместе вы снялись только в одном фильме, но женщины до сих пор останавливают тебя на улице и спрашивают о Мэгги. Счастлива ли она? Тебе хочется спросить: которая из них? Та, ненастоящая, что целовала меня в фильме, когда мы были совсем юными? Та, что любит покурить травку и пишет мне эсэмэски про козла, которого держит в доме ее сосед? Мэгги из таблоидов, которая пьет – трахается – набирает вес – беременеет – худеет – дает пощечину метрдотелю – общается с призраком Элвиса – призраком пропавшего без вести трехлетнего мальчика – призраком Кеннеди? Впрочем, они не всегда спрашивают о Мэгги. Иногда они спрашивают, не укусишь ли ты их.

Счастье! Страдание! Если испытываешь одно, будь уверен, второе уже на подходе. Именно этого люди и ждали. Вот в чем все дело. У демона-любовника есть пара золотых запонок в виде тех самых физиономий. Ему их подарила Мэгги. Вы понимаете, о каких физиономиях я говорю.

(2010) Мэгги и демон-любовник устраивают для своих многочисленных знакомых вечеринку по случаю Хэллоуина. Они устраивают их каждый год. И славятся этим.

– Каждый год одно и то же: обезьяна толпу развлекает, нарядившись обезьянкой, – говорит Мэгги.

На ней костюм Кинг-Конга. А в прошлом году? Половина лошади для пантомимы. Он – демон-любовник. Кто же еще? Год за годом.

Мэгги говорит:

– Я решила покончить с актерской карьерой. Стану поэтессой. Всем плевать, стареют поэты или нет.

Фаун бросает на нее оценивающий взгляд.

– Надеюсь, в твои годы я буду выглядеть хотя бы в половину так же хорошо, как ты.

Фаун двадцать три. Она гримерша. Недавно они с демоном-любовником поженились. А познакомились в прошлом году на съемках.

Он говорит:

– Я вот думаю, может, сделать пластику челюсти?

Его не покидает чувство, что перед ним мать и дочь. Тот же скандинавский профиль, обе одинаково наклоняют голову, чуть насмешливо глядя на него. Обе выше его ростом. И обе умнее. В этом нет никакого сомнения.

Интересно, Мэгги когда-нибудь думает о женщинах, с которыми он спит? На которых женится? Наверное, его привлекает определенный тип женщин. Впрочем, и у нее есть свой тип мужчин. На вечеринке по случаю Хэллоуина возле нее крутится какой-то парень. Совсем еще мальчишка.

За Мэгги вечно бегает какой-нибудь мальчишка, и демон-любовник всегда может его вычислить. Это легко, даже если Мэгги хитрит. Она никогда не представляет своего нынешнего любовника, никогда не подключает к разговору и вообще игнорирует. Все они остаются на краю арены, пьют, курят или смотрят на Мэгги, которая всегда в центре внимания. Но иногда они подходят к ней и стоят так близко, что сразу становится ясно, в чем тут дело. А когда она уходит, мальчишки следуют за ней.

Какому типу мужчин отдает предпочтение Мэгги? Забавно, но все ее любовники похожи на демона-любовника. Он вынужден признать, что они больше похожи на демона-любовника, чем он сам. Они с Мэгги давно уже выросли из юного возраста, но в мире полно молодых и красивых брюнетов и девочек с золотыми волосами. В этом-то, собственно, все и дело.

Роль демона-любовника накладывает определенные обязательства. Волосы не должны редеть. Талия должна оставаться тонкой. Никак нельзя допустить, чтобы появились фотографии, на которых ты одет в спортивные штаны или угрожаешь папарацци. И никаких секс-видео.

Зато фанаты на премьерах будут подставлять тебе шею. (А еще в ресторанах и в банке. И неоднократно – когда стоишь у писсуара.) Будут просить тебя укусить их жен. Их дочерей. Будут наносить себе порезы бритвой у тебя на глазах.

Правильной реакцией на такое было бы...

Да нет никакой правильной реакции.

Демон-любовник не всегда выполняет свои обязательства. Есть секс-видео. И девушка с пирсингом. В разгар атлетического секса происходит комический инцидент с его крайней плотью. Простыни забрызганы кровью. Крови очень много. Набирают 911. Вот он хлопается в обморок. Падает и ударяется головой о прикроватный столик. Дальше – Перес Хилтон, «GAWKER», ток-шоу на радио, YouTube, Tumblr. На нем море гифок.

Ты всегда будешь известен как исполнитель главной роли в серии фильмов о вампирах. Персонаж, которого ты играешь, разумеется, не стареет. Но ты-то стареешь. Когда ты впервые вонзаешь зубы в шею девушки, в шею Мэгги, ты – двадцатипятилетний актер, исполняющий роль вампира, который за триста лет не состарился ни на день. Теперь ты – сорокадевятилетний актер, играющий все того же нестареющего вампира. Это уже глуповато, не правда ли? Но если демон-любовник – не демон-любовник, тогда кто он? Кто ты? Другие проекты приносят сплошные разочарования. Агент советует сыграть в комедии. Проблема в том, что ты не очень смешной. Комедии у тебя плохо получаются.

Вторая проблема – это секс-видео. Секс-видео – это всегда смешно. К сожалению, обнаженка – это смешно. Разорванная крайняя плоть – болезненно смешно. Ты не знал, что девица все снимает на камеру.

Агент говорит: я не это имел в виду.

Ты мог поступить так же, как Мэгги много лет назад. Исчезнуть. Отправиться в путешествие. Найти смысл жизни. Найти Мэгги.

Когда случается вся эта история с секс-видео, ты говоришь Фаун: но при чем тут Мэгги? Это не имеет к Мэгги никакого отношения. Это была просто какая-то девчонка.

Не то чтобы других девчонок никогда не было.

Фаун говорит: это имеет прямое отношение к Мэгги.

Я вижу тебя нас kvозь, говорит Фаун. Она скорее зла, чем расстроена. Наверное и правда видит его нас kvозь.

«Боже, дай мне Мэгги, но не сейчас». По мнению Фаун, гримерши и фанатки Общества толкования Библии, это он в роли Блаженного Августина. Она все объясняет демону-любовнику, объясняет подоплеку всего происходящего с ним. Но разве подсознательно ты сам этого не понимал? С самого начала была Мэгги. Почему нельзя снова к ней возвратиться? Можно было жениться на ком-то время от времени и не беспокоиться о том, что ни один брак не сложился. Ведь все эти годы им с Мэгги удавалось оставаться друзьями. Что, если его женитьбы и отношения с другими женщинами лишь цепь случайных событий, которые должны были отсрочить неизбежное? Легкое сопротивление. И вот еще один факт, касающийся его браков: ему никогда не удавалось сохранить дружеские отношения с бывшими женами и подружками. Они с Фаун не сумеют остаться друзьями.

Демон-любовник и Мэгги знают друга уже очень давно. Никто не знает его так, как Мэгги.

Остатки нудистской колонии на озере Апопка обещают охотникам за привидениями немало развлечений. Дюжина полуразвалившихся хижин, некоторые без крыш, окна потемнели от плесени; разрушенный зал с лепниной и отколившейся испанской плиткой; треснувший бортик наполненного какой-то жижей бассейна. Между хижинами и озером – уютное и привычное зрелище: полдюжины трейлеров. А вот это еще лучше: он замечает ярмарочный шатер.

Навозные хранилища! Аллигаторы-мутанты! Бесследно исчезнувшие нудисты! В аэропорту Лос-Анджелеса, убивая время в ожидании самолета, демон-любовник почитал про озеро Апопка. Прошлое всегда бывает странным, Флорида тоже странное место, это ни для кого не новость. Казалось бы, демон-любовник должен чувствовать себя здесь как дома, но грязь чавкает под ногами, липнет к ботинкам, словно давая понять, что ему здесь не рады. На голову обрушивается дождь, льет как из ведра, вода стекает по телу теплыми, как слюна, потоками. Спотыкаясь, демон-любовник бросается бежать в сторону ярмарочного шатра.

Карьера Мэгги идет в гору. С этим все согласны. Она ведет передачу про охоту на призраков под названием «Кто там?».

Демон-любовник звонит Мэгги после того, как выходит серия про «Титаник». В этой серии съемочная группа «Кто там?» едет к месту событий вместе с сотрудниками Международного ледового патруля. Группа Мэгги ставит радиопередатчик Маркони и радиоприемник на случай, если у одного-двух призраков найдется что сказать.

Демон-любовник спрашивает ее про мертвых чаек. К черту всю эту чушь с радиопередатчиками. Серия во многом удалась благодаря чайкам. Сотни чаек, неподвижные, будто прибитые к воде трупики.

Мэгги отвечает: ты что, думаешь, у нас хватит бюджета на искусственных чаек? Я тебя умоляю!

Нужно признать, что «Кто там?» – довольно увлекательное шоу, независимо от того, веришь ты в привидения или нет. Все дело в жутковатых деталях: дом, от которого у тебя по коже бегают мурашки, даже если включить свет в каждой комнате; нечто ужасное, случившееся давным-давно и не с тобой. Атмосферная, необычная операторская работа. Охотники за привидениями – симпатичные, веселые, весьма привлекательные. Мэгги подкупает вас, внедряя в сознание мысль: вдруг то, что здесь творится, реально? Может быть, там действительно кто-нибудь есть? Может быть, им есть что сказать?

Демон-любовник не общался с Мэгги долгие месяцы, и вдруг что-то изменилось, и они разговаривают каждый день. Ему нравится проснуться утром и позвонить ей. Они обсуждают сценарии – теперь Мэгги опять их присылают. Он может поговорить с ней о чем угодно. Но после секс-видео они не общались, и с тех пор прошло слишком много времени. Об этом лучше поговорить лично.

(1991) Они с Мэгги любовники. Их фильм имеет колossalный успех. Где бы они ни появились, их все узнают. Они знамениты. Их лица повсюду. Они целуются на тысяче экранов. Они целуются в номере отеля. Они даже не могут спокойно выйти из номера, чтобы кто-нибудь не начал ворить, падать в обморок или чем-нибудь в них тыкать. Им задают одни и те же вопросы. Снова и снова. Он начинает давать интервью, не выходя из образа. Мэгги это всегда веселит.

Одной теплой ночью на каком-то континенте, в каком-то городе, в каком-то отеле демон-любовник и Мэгги оставляют окно открытым, и в номер пробираются две женщины. Они влезли через балкон. Они всего лишь хотят сказать, что любят вас. Вас обоих. Они просто хотят быть рядом с вами.

За вами постоянно наблюдают тысячи глаз. Даже когда люди делают вид, что это не так. И даже если за вами не следят, вы все равно не можете отделаться от ощущения непрерывной слежки. И знаешь что? Это ощущение оправданно. Пытливые глаза найдут вас везде. Слава такого рода – это успех сродни катастрофе. Надо быть полным идиотом, чтобы в конце концов этого не понять. Не увидеть, во что ты превратился.

Когда люди пропадают, всегда есть вероятность, что ты увидишь их снова. Дождь льет так сильно, что демон-любовник с трудом видит, что творится вокруг. Ему кажется, что он все еще движется в сторону ярмарочного шатра, а не озера. Сквозь шум дождя он различает другой звук. Вой. А затем дождь на мгновение стихает, и он видит мужчин и женщин, обнаженных. Они бегут к нему. Поскользнувшись, он едва удерживает равновесие, и снова хлещет дождь, стирая все вокруг, – остается лишь преследующий звук. Он врезается во что-то головой: холодная липкая кожа, одновременно твердая и упругая. Отскакивает и понимает, что это шатер. Не лучшее место для последней битвы, но к тому времени, как он неуклюже пробрался внутрь, он уже понял, в чем дело. Это не мертвые нудисты, а живые люди, голые, чертыхающиеся, смеющиеся, и со всех льется вода. Они переносят камеры, микрофоны, снаряжение охотников за привидениями. Видеографы, А2⁵ и прочие полезные и не очень полезные типы. Толпа мужчин и женщин, и среди них Мэгги. Пряди волос прилипли к лицу. На груди капли дождя.

Он зовет ее по имени.

Все люди вокруг смотрят на него.

Как же так получилось, что сейчас именно он чувствует себя голым?

– Какого хрена этот тип тут забыл? – спрашивает кто-то, чьи гениталии прикрывает маленько белое полотенце. Похоже на то, что оно могло бы быть еще меньше.

– Уилл, – говорит Мэгги. Так нежно, что ему хочется плакать. Кажется, у него был очень долгий день.

Она отводит его к себе в трейлер. Он принимает душ, берет у нее запасную зубную щетку. Она надевает халат. Не задает никаких вопросов. Разговаривает с ним, пока он в ванной. Он оставляет дверь открытой.

Рассказывает, что они снимают на местности уже третий день и первые два были, мягко говоря, так себе. Сняли общий план, пошли на озеро и увидели аллигатора, который, стоило им приблизиться, скрылся под водой. Убогие, заросшие мелким кустарником леса и дороги кишат детенышами скунсов. Они подходят совсем близко, прямо к камере, и изо всех сил пытаются выстрелить этой своей вонючей струей. Но до тех пор пока они не достигли половой зрелости, они могут только размахивать хвостом и топтать ногами.

Кроме одного случая, говорит она, и рассказывает о каком-то несчастном А2. Вот ему попался рано созревший скунс.

Мэгги взяла интервью у бывшего владельца нудистской колонии. Он настаивал на том, чтобы называть это сообществом натуристов, и на протяжении всего интервью в подробностях объяснял философию натуризма, не желая обсуждать 1974 год. Безобидный старый псих. Что бы там ни произошло, он тут ни при чем. Невозможно заболтать людей так, чтобы они испарились. К тому же у него есть алиби.

Вот чего им не удалось ни в первый, ни во второй день, так это получить хоть каких-нибудь действительно стоящих показаний приборов. Здесь с ними было два экстрасенса, но у одного из них произошло ЧП с дочерью, и он уехал. В их распоряжении – всякое психометрическое оборудование, но, судя по отсутствию каких-либо показаний, тут вообще ничего не происходит. Это навело их на некоторые мысли.

⁵ А2 – человек, ответственный за установку звукового оборудования на съемках.

— Мы подумали, что, возможно, все дело в нас самих, — говорит Мэгги. — Может, нудистам нечего сказать людям в одежде. Поэтому мы решили снимать в обнаженном виде. Все должны раздеться. Актеры, съемочная группа — все до единого. Это очень позитивный опыт, Уилл. Группа подобралась хорошая.

— Весело, — говорит демон-любовник.

Кто-то принес мешковатые розовые шорты и футболку, потому что вся его одежда — в чемодане, оставшемся в аэропорту Орландо. Не то чтобы он забыл забрать багаж. Просто ему все равно.

— Я рада тебя видеть, Уилл, — говорит Мэгги. — Но почему ты здесь? Откуда ты узнал, где мы?

Сначала он отвечает на второй, более простой вопрос.

— От Пайка. — Пайк — это агент Мэгги и старый друг демона-любовника. Агент, которому нравится издеваться над маленькими детьми. Друг, чья жизнь делается сладче, когда ты собственноручно пускаешь свою под откос. — Я взял с него слово не говорить тебе, что еду сюда.

Он падает на пол перед столом, на котором сидит Мэгги. Она проводит пальцами по его волосам. Гладит его, как собаку.

— Но он рассказал, да?

— Да, — говорит Мэгги. — Он мне звонил.

— Мэгги, — говорит демон-любовник, — дело совсем не в секс-видео.

Она отвечает:

— Знаю. Фаун тоже звонила.

Об этом звонке лучше не думать. У него болит голова. Наверное, у него обезвоживание. Это был долгий полет.

— Она хотела, чтобы я сообщила ей, когда ты появишься. Сказала, что подождет немного, прежде чем окончательно расстаться.

Мэгги ждет, что он что-нибудь ответит. Ждет и молчит. И гладит его волосы.

— Я не стану ей звонить, — снова заговорила она. — Тебе лучше вернуться, Уилл. Она хороший человек.

— Я ее не люблю, — отвечает демон-любовник.

— Ну… — говорит Мэгги. И убирает руку.

Раздается стук в дверь. Пришла какая-то девушка.

— Мэгги, солнце опять показалось.

Адресованная демону-любовнику улыбка девушки способна растопить лед. Ей небось было лет двенадцать, когда она впервые увидела его на экране. Эти девчонки — будто утят: привязываются к первому увиденному ими вампиру. Она спускается по лестнице. Голые ягодицы подпрыгивают.

Мэгги скидывает халат и начинает наносить на руки и лицо солнцезащитный крем. Он замечает, как изменилось ее тело. Думает, что, наверное, полюбит ее за это еще сильнее, и надеется, что это правда.

— Позволь мне, — говорит он и забирает у нее бутылочку. Начинает втирать крем ей в спину.

Она никак не реагирует. Да и с чего бы? Они же друзья.

Мэгги говорит:

— Насчет Флориды: фишка вот в чем, Уилл. Тут почти каждый день бури. Но потом они уходят.

Она обхватывает его скользкие от крема руки и говорит:

— Ты ведь устал. Поспи. В шкафу есть травяной чай, а в спальне — травка и «Золпидем». Мы будем снимать весь день, до самого вечера. А потом барбекю — это мы тоже снимаем. Можешь прийти. Обеспечишь нам хорошую рекламу. Зрители будут в восторге. Но учти: тебе

придется раздеться, как и всем остальным. Никакой одежды. Никаких исключений, Уилл. Даже для тебя.

Он растирает остаток солнцезащитного крема по ее плечам. Больше всего ему сейчас хочется положить голову ей на плечо.

— Я люблю тебя, Мэгги, — говорит он. — Ты ведь это знаешь?

— Знаю. Я тоже тебя люблю, Уилл, — отвечает она. По ее интонации ему все становится понятно.

Демон-любовник ложится на кровать Мэгги и чувствует себя так, будто ему сто лет. Засыпает. Ему снится бунгало в Венис-Бич, и Мэгги, и другая девушка... Это было так давно.

Как-то появился отзыв на пьесу, в которой играла Мэгги. Кажется, это было лет десять назад? Отзыв недобрый, да и не очень умный, однако критик высказал в нем одну мысль, которая, по мнению демона-любовника, верна и сейчас. Он написал, что, независимо от происходящего на сцене, Мэгги играет так, словно ждет автобус. Демон-любовник полагает, что именно в этом критик не ошибся. Только демон-любовник всегда думал, что, если Мэгги ждет автобус, волей-неволей начинаешь гадать, куда этот автобус идет. И не собирается ли она под него броситься...

Когда они только начали встречаться, демон-любовник был уверен, что Мэгги ждала именно его. Может, она и сама так думала. Они купили дом, бунгало в Венис-Бич. Интересно, кто там сейчас живет.

Проснувшись, демон-любовник снимает футболку и шорты. Аккуратно складывает их и оставляет на кровати. Придется устроиться где-то на ночлег. И поскорее. День переходит в ночь.

На гриле готовится мясо. Демон-любовник не помнит, когда он ел в последний раз. У двери повисло облако спрея от насекомых. Щекотно, когда прикасается к яйцам. Он чувствует себя немного глупо. Это, конечно же, ужасная идея. Очередная ужасная идея в цепочке прочих ужасных идей... Разница только в том, что теперь он заранее знает, что там будет камера.

Стоит ему выйти из трейлера Мэгги, как тут же, словно по волшебству, появляется секретарша. С секретаршами всегда так. Она подсовывает ему кучу бумажек на подпись. Очень странно подписывать бумаги голышом. Ну и ладно. Он думает: завтра уеду домой.

Секретарше слегка за пятьдесят. Необычно. С этим, наверное, связана какая-нибудь история, но кому какое дело? Ему-то уж точно все равно. Конечно же, она видела грабаное секс-видео — скорее всего, это теперь будет его самый популярный фильм, — но, судя по выражению ее лица, она впервые видит демона-любовника обнаженным... Или даже так: она только сейчас заметила, что они оба голые.

Пока демон-любовник расписывается не читая — какая уж теперь разница? — секретарша жалуется на какую-то Джульетту, девчонку на побегушках, которая что-то там не сделала или сделала не так. И вообще не годится для этой работы. Где она, куда подевалась? У секретарши к ней полно претензий.

Демон-любовник высказывает предположение, что девчонку забрали призраки. Секретарша награждает его недружелюбным взглядом и продолжает рассказывать о людях, которых он не знает, про которых ему неинтересно слушать.

— А что в вас сверхъестественного? — спрашивает демон-любовник. Потому что у них, конечно, такой рекламный прием. Каждый мужчина, каждая женщина — от продюсера до помощника осветителя — не совсем обычные.

— Я пережила клиническую смерть, — отвечает секретарша. Размахивает рукой, демонстрируя длинный, похожий на веревку след от ожога. — Случайно долбанула себя током. Видела

тоннель и свет в конце. Ну и, наверное, во время прослушивания показала неплохой результат с этими картами. Карты Зенера⁶, знаете?

— Так скажите мне, — говорит демон-любовник, — что, на хрен, такого замечательного в тоннеле и каком-то огоньке? Неужели они ничего лучше не смогли придумать?

— Ну, знаете ли, — огрызается секретарша, — людям вроде вас, похоже, предстаются красная крововая дорожка и лимузин.

Демону-любовнику нечего на это ответить.

— Вы здесь что-нибудь видели? — меняет он тему разговора. — Или слышали?

— Мэгги рассказывала вам про скунсов? — уже не так раздраженно спрашивает секретарша. Выпустив пар, она быстро успокаивается. — Про детенышей. Хвостик поднимут, тужатся, тужатся, но ничего у них не выходит. То же можно сказать и об этом месте. Никаких призраков. Приборы не ловят никаких сигналов. Ровным счетом ничего не происходит… Даже ни одной холодной точки нет.

И с сомнением в голосе добавляет:

— Но я уверена, все получится. Ваше присутствие на этом барбекю непременно поможет. Голый вампир — это покруче призрачных нудистов. Сами доберетесь? Идите к озеру, а я позвоню им и дам знать, что вы уже вышли.

Не лучше ли ему просто сесть в машину и уехать?..

— Спасибо, — говорит демон-любовник.

Но прежде чем он успевает понять, чего ему больше хочется, рядом появляется еще один человек. Ну прямо «Путешествие Пилигрима в Небесную страну». Одна из любимых книг Фаун. Пареньку за двадцать. Симпатичный и смутно знакомый. (Хотя нормально ли так думать о мужчине, когда вы оба без одежды? Тем более если он выглядит точь-в-точь, как когда-то ты сам… Впрочем, что в наготе особенного? Тут все голые.)

— Я вас знаю, — говорит парень.

Демон-любовник отвечает:

— Конечно, знаешь. А сам-то ты кто?

— Рэй, — говорит парень. Ему года двадцать два. Всем своим видом он показывает: не притворяйся, ты знаешь, кто я. — Мэгги мне все про вас рассказала.

— Чем ты занимаешься? — спрашивает демон-любовник. Спрашивает так, будто не знает ответа на свой вопрос.

Парень улыбается неприятной улыбкой. С наслаждением чешет в паху, может, и не специально.

— Всем понемножку. В зависимости от того, что требуется.

Ничего не поделаешь. Придется смириться. И ведь у Мэгги в ящике есть травка.

На озере на площадке без сетки люди играют в волейбол. Жарят мясо. Кто-то разговаривает с камерой, указывает жестом на кого-то другого. Кто-то где-то курит косячок. Спускаются сумерки, и с этого расстояния — не слишком далеко, не слишком близко — демон-любовник рассматривает все это невероятное скопление голых грудей, задниц, забавных членов, узловатых коленей. Все, что обычно скрыто, теперь выставлено на всеобщее обозрение. Опытным глазом он подмечает, у кого грудь настоящая, а у кого — нет. Волосы на лобке есть только у нескольких женщин. Он никогда не понимал, в чем тут фишка. Некоторые из мужчин тоже бритые. *O tempora, o mores*⁷.

— Анекдоты вы любите? — спрашивает Рэй и останавливается, чтобы закурить сигарету.

Демон-любовник мог бы уйти, но медлит.

⁶ Карты Зенера — колода карт с пятью повторяющимися рисунками, предназначенная для выявления экстрасенсорных способностей.

⁷ О времена, о нравы (*лат.*).

– Зависит от анекдота.

Вообще-то нет, он их не любит. Особенно из уст людей, которые спрашивают, любишь ли ты анекдоты.

– Этот вам понравится, – обещает Рэй. – В общем, стоят четверо парней. Клептоман, пироман и… э-э… зоофил и мазохист. Мимо проходит кошка, и клептоман говорит, что хочет украсть ее. Пироман говорит, что хочет поджечь ее. Зоофил хочет ее трахнуть. А мазохист смотрит на них на всех и говорит: «Мяу!»

Анекдот довольно забавный. Может, он так заигрывает?

Сощурившись, демон-любовник смотрит на парня. С трудом подавляет в себе странное ощущение, от которого начинает слегка кружиться голова, кажется, что он отправился назад во времени, чтобы пофлиртовать с самим собой. Или наоборот.

Ему хочется думать, что в молодости он был даже красивее этого парня. Когда он входил в комнату, люди замирали и во все глаза смотрели на него. Это было еще до того, как его начали узнавать. Он всегда принадлежал к числу тех, на ком задерживают взгляд.

– Ну так, – с улыбкой говорит демон-любовник, – а который из них ты?

– Простите? – переспрашивает Рэй и выпускает изо рта струйку дыма.

– Который из них ты? Клептоман, пироман, трахальщик кошек, мазохист?

– Я тот, кто рассказывает анекдот, – отвечает Рэй. Бросает сигарету на землю, топчет ее черной от грязи пяткой. Закуривает новую. – Не знаю, предупреждали ли вас – не пейте из-под крана. И не ходите купаться. Вода тут отравленная. Излишки фосфора и прочей дряни. Навозные хранилища прикрыли, хотят очистить водоемы, но воду все равно питьевой не назовешь. Ночевать будете здесь или в городе?

– Не уверен, что вообще останусь, – отвечает демон-любовник.

– Ну, – говорит Рэй, – некоторые из более-менее сохранившихся бунгало подключили к радиатору. Есть раскладушки, спальные мешки. Если вы любите пожестче. – Последнюю фразу – да, несомненно, – он произнес с ухмылкой.

Демон-любовник чувствует, как его губы тоже растягиваются в улыбке. Они оба скрываются за масками. Смотрят друг на друга из-под масок. Вот так ты и понял, что ты – актер. Твое лицо, все твое тело, то, как ты двигаешься, – все это лишь видимость. Как одежда, которую то надеваешь, то снимаешь. То, что под ней, принадлежит тебе, только тебе – пока ты хранишь это в тайне.

Он говорит:

– Думаешь, ты что-то обо мне знаешь?

– Я видел все ваши фильмы, – отвечает Рэй. Мaska меняется, превращается в ту, которую демон-любовник называет «Я твой самый большой фанат». О, он знает, что за ней скрывается.

Он готовится услышать, что этот странный парень скажет дальше, и вдруг рядом с ними появляется Мэгги. Как будто и без того во всей этой ситуации мало неловкости. Все трое голые – и все несчастны. Ну прямо скандинавское арт- porno.

Мэгги не обращает на парня никакого внимания. Как всегда. Все эти парни взаимозаменямы. Небось находит их на каком-нибудь веб-сайте. Может быть, она не хочет быть с демоном-любовником – но и ни с кем другим тоже.

Мэгги касается его руки:

– Выглядишь получше.

– Поспал несколько часов, – отвечает он.

– Знаю, – говорит она. – Я заходила к тебе. Хотела убедиться, что ты не сбежал.

– Да некуда, – улыбается он.

– Пойдем, – говорит Мэгги. – Поищем тебе чего-нибудь поесть.

Рэй не идет за ними; остается позади с сигаретой. Наверное, разглядывает их накачанные йогой, довольно хорошо сохранившиеся знаменитые задницы.

Вот в чем проблема этого парня, думает демон-любовник. Ему было пятнадцать, он сидел в кинотеатре и смотрел, как мы с Мэгги, загrimированные под вампиров, якобы трахаемся в вагоне нью-йоркского метро. В поезде, следующем по маршруту А. Я кусаю грудь Мэгги на каком-нибудь провинциальном киноэкране. Ее грудь в десять раз больше его головы. Он наверняка сотню раз мастурбировал, глядя, как я кусаю тебя, Мэгги. Он смотрел, как мы целуемся. И страдал. И это затмевает все остальное, что ты делала с ним или со мной. Представь, что сейчас чувствует этот парень. Демон-любовник тоже это чувствует. Любовь, думает он. Потому что любовь – это не только любовь. Это и все остальное тоже.

Он знакомится с полненькой симпатичной женщиной-медиумом по имени Ирэн, которая изображает «правильного парня» в комическом дуэте с Мэгги. С людьми, которых зовут Сидра, Том, Юэн и которые отвечают за странное оборудование для охоты за привидениями. Пилар – видеограф. Демон-любовник почти уверен, что раньше они с ней где-то встречались. Может, на собраниях Общества анонимных алкоголиков? Странно, почему это время он помнит гораздо туманнее, нежели годы, которые провел в запое или под кайфом? Ей лет тридцать, у нее хитрая улыбка, шикарные ноги и очень большая камера.

Ему показывают оборудование, дают попробовать что-то под названием «трехполярный метр». Здесь нет никаких призраков. Даже у призраков нашлись дела поинтереснее.

Он предполагает, что все присутствующие видели секс-видео. Почти хочет, чтобы кто-нибудь упомянул о нем, но все молчат.

С озера дует прогорклый ветерок. Пахнет грязью и смертью.

Люди ужинают и обсуждают пропавшую ассистентку – девочку на побегушках, Джульетту.

– Хорошая девочка, – говорит Мэгги. – В свободное время занимается эрогами и продает на eBay.

– Чем занимается? – переспрашивает демон-любовник.

– Эрогами. Порно-сценки в стиле оригами. Делает их на заказ.

– Конечно, – говорит демон-любовник. – Это удовольствие дорого стоит.

– Может, у нее есть какая-нибудь привычка, – говорит Мэгги. – Ну, скажем, привычка то и дело пропадать.

А может быть, она там же, куда делись все эти нудисты. Представь, как тогда подскочат рейтинги. Эту мысль он Мэгги не озвучивает.

– Я рада тебя видеть, Уилл, – говорит Мэгги. – Несмотря на обстоятельства.

– Да ну? – с улыбкой отвечает демон-любовник; он всегда улыбается.

Они стоят довольно далеко от микрофонов и камер, и он спокойно может это произнести. Видеограф Пилар снимает женщину-медиума Ирэн, которая поджаривает зефирки. Рэй тоже наблюдает за этим. Он все время где-то поблизости.

Демон-любовник чувствует укус в голое бедро и прихлопывает насекомое ладонью.

Прямо сейчас он мог бы протянуть руку и коснуться лица Мэгги. И все сложилось бы по-другому. Или она бы отвернулась, как обычно. Он думает, что пора бы ему уже запомнить, что у них вечно что-то не складывается, когда они вместе. Как в анекдоте про двух скунсов: когда один входит, другой выходит. Как одноименные полюса магнита.

– Конечно, я рада, – уверяет его Мэгги. – И ты приехал очень вовремя, потому что мне с тобой надо кое-что обсудить.

– Валяй, – говорит он.

– Сейчас не совсем удобно, – отвечает она. – Давай попозже? Когда здесь закончим.

Уже почти стемнело. Луны нет. Кто-то развел гигантский костер. Почекневшие бунгало и зал без крыши растворились в мрачных, аккуратных тенях. Теперь можно представить себе время, когда все еще было внове. Семидесятые, когда никому не было дела до того, что ты

творишь. Время свободной любви. Когда можно было просто исчезнуть, если тебе того хотелось, и это было нормально, в порядке вещей.

– Ну и где мне провести ночь? – спрашивает демон-любовник.

Он снова подавляет в себе желание коснуться ее лица. Тонкий локон ее волос приклеился к губам. Кто он? Пироман или мазохист? Тот, кто входит, или тот, кто выходит? Ну он актер, разве не так? Он может быть тем, кого она захочет.

– Я уверена, ты найдешь mestечко, – говорит Мэгги. У нее блестят глаза. – Или кого-нибудь. Пилар неоднократно говорила мне, что ты единственный мужчина, с которым она хотела бы переспать…

– Если бы за каждую такую фразу мне давали по доллару… – говорит демон-любовник.

Он все еще хочет прикоснуться к ней. Хочет, чтобы и ей этого хотелось. Теперь он помнит, как это бывает.

– Тогда с каждого доллара тебе пришлось бы отдавать семьдесят центов своим бывшим, – говорит Мэгги.

Чистая правда.

– Фаун подписала брачный контракт, – сообщает демон-любовник.

– Это одна из тысячи причин, почему тебе следует вернуться домой и все исправить, – говорит Мэгги. – Она хороший человек. Такие, как Фаун, на дороге не валяются.

– Ей лучше без меня, – возражает демон-любовник и чувствует легкий укол обиды – Мэгги с ним не спорит.

Подходят медиум Ирэн и Пилар с еще одним видеографом. Демон-любовник понимает, что Ирэн он не нравится. Иногда он не нравится женщинам. Но это случается так редко, что он не дает себе труда задуматься о причинах.

– Ну что, начнем? – спрашивает Ирэн. – Пошли проверим, не захотят ли наши друзья немножко поболтать. Ну а потом, не знаю, как вы, но я надену что-нибудь менее удобное.

Затем Мэгги говорит в камеру:

– Сейчас мы предпримем последнюю попытку связаться с теми, кто, возможно, еще здесь, у кого остались в этом мире незавершенные дела.

– Казалось бы, нудистам так стесняться не к лицу, – замечает Ирэн.

– Но даже если мы не сумеем ни с кем связаться, – продолжает Мэгги, – нельзя сказать, что сегодняшний день потрачен впустую. Стоило рискнуть. Некоторые из нас обгорели на солнце, кого-то в интересные места покусали насекомые, но все мы чувствуем себя немного более комфортно в собственном теле. Мы открылись так, как представляли себе это обитатели колонии, которые надеялись сделать мир лучше. Возможно, для них мир действительно стал лучше… У нас выдался хороший день. И даже если души, на поиски которых мы сюда прибыли, не объявятся, кое-кто нас уже посетил.

A2 кивает Уиллу.

Пилар направляет на него камеру.

Он заранее продумал, как сыграть эту роль.

– Я Уилл Гальд, – говорит он. – Вполне возможно, вы узнали меня по моим прошлым «голым» ролям, ну, например, парня, который катается по полу гостиничного номера, держась за обильно кровоточащие гениталии. – Демон-любовник улыбается самой обаятельной из своих улыбок. – Сегодня я случайно оказался по соседству.

– Мы убедили его остаться и поужинать с нами, – поясняет Мэгги.

– Они спрятали мою одежду, – смеется Уилл. – Но, если честно признаться, я не очень-то старался ее найти. Что такого страшного может произойти, когда раздеваешься перед камерой?

– Мэгги, – говорит Ирэн, – с самого начала наиболее важным аспектом передачи «Кто там?» было то, что со всеми нами когда-то происходили события, которые мы не в состоянии

объяснить. Мы все верим в необъяснимое. Я хотела спросить: есть ли у Уилла своя история о привидениях?

– Я не... – начинает демон-любовник. Замолкает. Смотрит на Мэгги. – Да, – говорит он. – Но Мэгги, конечно, ее уже рассказывала.

– Да, – говорит Мэгги. – Но я никогда не слышала, как ее рассказываешь ты.

Ох, демон-любовник мог бы такого порассказать!...

– Всегда рад доставить удовольствие, – говорит он.

– Замечательно, – говорит Ирэн. – Как вы знаете, в каждой серии находится место парочке страшных историй. А сегодня у нас даже есть костер. – Она делает паузу, словно колеблется. – И разумеется, как уже известно нашим зрителям, мы все еще ждем возвращения Джульетты Адейеми. Незадолго до обеда она отправилась по делам и пропала. Пока еще рано волноваться, но всем нам будет куда спокойнее, когда она вернется.

Мэгги говорит:

– Джульетта, если ты встретила симпатичного парня и вы пошли кататься на аттракционах в Диснейленде, я выпытая у тебя все подробности, будь уверена! Итак, Ирэн, приступим?

Народ убирал тарелки с недоеденным мясом и собирался в полукруг около костра. Вот-вот запоют «Кумбая». Садятся на эти свои маленькие полотенца. Ирэн и Мэгги занимают место перед костром. Все держатся за руки.

Демон-любовник отодвигается подальше, в темноту. Его не интересуют какие бы то ни было сеансы и призраки. Он выходит на берег. Под ногой что-то острое. Кто-то присаживается рядом с ним. Рэй. Ну разумеется.

Почему-то быть голым в темноте еще хуже, чем при свете. Мир так велик, а он – напротив. Рэй молод, а он – нет. Он почти уверен, что видеограф Пилар с ним переспит, а вот Мэгги – нет.

– Я тебя знаю, – говорит демон-любовник Рэю. – Я видел тебя раньше. Ну не тебя, но предыдущую версию. Множество таких, как ты. Вы никогда надолго не задерживаетесь. *Мы* не задерживаемся. Она идет дальше. А вы исчезаете.

Рэй молчит. Сматривает на озеро.

– Я был тобой, – говорит демон-любовник.

– А сейчас? Теперь-то вы кто? – спрашивает Рэй.

– У тебя что, почасовая оплата? – начинает злиться демон-любовник. – Чего ты ко мне прицепился? У меня нет при себе кошелька.

– Мэгги занята, – говорит Рэй. – А мне интересно. Сами-то вы как считаете, что вы здесь делаете?

– Я приехал к Мэгги, – отвечает демон-любовник. – Мы друзья. Старые друзья, которые иногда навещают друг друга. Как-нибудь в другой раз я снова встречу ее, а тебя с ней уже не будет. Зато я буду всегда. А ты... Ты просто парень, которому повезло быть похожим на меня.

– Я люблю ее, – говорит Рэй.

– Хреново, правда? – говорит демон-любовник.

Он возвращается к костру и к голым людям, которые ждут других голых людей. Думает об истории, которую ему предстоит рассказать.

Сеанс получился неудачный. Медиум Ирэн все время повторяет, что что-то чувствует. Будто кто-то пытается им что-то сказать.

Мертвые здесь, но в то же время и не здесь. Им страшно. Поэтому они не выходят на связь. Что-то им мешает. Что-то здесь не так.

– Вы это чувствуете? – спрашивает она Мэгги и остальных.

Мэгги отвечает:

– Я тоже что-то чувствую. Здесь что-то есть.

Демон-любовник раскрывает объятия навстречу ночи. На мгновение позволяет себе поверить, что жизнь продолжается. Чувствует запах, металлическую вонь навозных хранилищ. Воздух тяжелый, давящий. Есть ли здесь злоба? Недобрые намерения?

Мэгги говорит:

– Никто так и не раскрыл тайну того, что здесь произошло. Но возможно, то, что случилось с ними, оставило свой след. Ирэн, может ли эта энергия влиять на духов, на то, что от них осталось, даже после смерти?

– Не знаю, – говорит Ирэн. – Здесь что-то не так. Что-то тут есть. Я не знаю.

Но оборудование съемочной группы передачи «Кто там?» так ничего и не показывает. Ни счетчик ионов в воздухе, ни барометр, ни ЭМФ-детектор, ни ЭВП-детектор, ни «музыка ветра», ни приборы ночного видения. Никого тут нет.

И наконец, подошло время рассказывать страшные истории.

Есть одна про мужской туалет в модном ресторане в Санта-Монике. Демон-любовник бывал в этом ресторане. Ел картофель фри с трюфельным майонезом. Не видел никаких привидений. Он не из тех, кто видит призраков, и его это устраивает. Трюфельный майонез ему никогда особо не нравился… То, что когда-то происходило в бунгало с ним и Мэгги, тоже никак не связано с привидениями. Все это было следствием наркотиков, и давления, которое на них постоянно оказывалось, и невыносимого пристального наблюдения; *folie à deux*⁸; налог на их счастье.

Кто-то рассказывает старую байку о Бэзиле Рэтбоуне и госте, который пришел к нему на обед и привел с собой собак. Потом, по окончании обеда, и гость, и собаки погибают в автокатастрофе прямо возле дома Рэтбоуна. Все это происходит у него на глазах. Он в шоке, буквально парализован. Стоит у окна, не в силах сдвинуться с места. И тут раздается телефонный звонок. Когда он берет трубку, оператор говорит: «Прошу прощения, мистер Рэтбоун, на линии женщина, утверждающая, что должна поговорить с вами».

Эта женщина-медиум – она говорит, что у нее для него послание. Она надеется, он поймет, что оно значит.

«Путешествую очень быстро. На прощание нет времени. Собак здесь нет».

Наступает очередь демона-любовника. Он говорит:

– Давным-давно, когда мы с Мэгги были вместе, мы купили бунгало в Венис-Бич. Мы проводили там не очень много времени. Постоянно где-то болтались. На вечеринках. На фестивалях. Мебели у нас не было. Только один матрас. Посуды тоже не было. Дома мы ели из картонных коробок, в которых доставляли еду на заказ. Но мы были счастливы.

Он делает паузу. Мэгги смотрит на него. Слушает. Рядом с ней стоит Рэй. Вплотную.

Рассказывать страшную историю голышом не так уж весело. Не так уж весело рассказывать только одну часть истории, умалчивая об остальном. Когда женщина, которую ты любишь, стоит рядом с человеком, которым ты был раньше.

– Год выдался хороший. Возможно, это был лучший год в моей жизни. А может, и самый тяжелый. Мы были молоды и глупы, и люди постоянно от нас чего-то хотели, и мы делали много такого, чего делать не следовало. Заполните пробелы, как пожелаете. Мы закатывали вечеринки. Швыряли деньги направо и налево. И мы любили друг друга. Верно, Мэгги?

Мэгги кивает.

Он продолжает:

⁸ «Парная мания» – форма психоза, при котором одинаковые бредовые или параноидальные идеи наблюдаются одновременно у двух человек.

– Но пора рассказать о привидении. Я не очень-то верю, что это было привидение, но и не стану отрицать. Честно говоря, просто никогда об этом не задумывался. Но чем больше времени мы проводили в том бунгало, тем хуже все становилось.

– Ты не мог бы описать поподробнее? – просит Ирэн. – Что там с вами происходило?

– Складывалось такое ощущение, – говорит демон-любовник, – будто за нами постоянно кто-то наблюдает. Поначалу откуда-то издалека, но потом все ближе и ближе. Казалось, совсем скоро этот кто-то будет с нами. Хуже всего было ночью. Нам снились кошмары. Иногда мы оба просыпались от собственных криков.

– О чём были эти сны? – спрашивает Ирэн.

Он отвечает:

– Да почти ни о чём. Просто этот кто-то в конце концов поселился в нашей комнате. Постоянно был с нами. А потом, со временем, это нечто – кем бы оно ни было – оказалось у нас в постели. Мы просыпались далеко друг от друга, по разные стороны матраса, потому что оно лежало между нами.

– И что вы сделали? – спрашивает Ирэн.

– Когда мы лежали на матрасе порознь, его там не было, – отвечает он. – Но оно всегда появлялось, когда мы были вдвоем. И тогда нас было трое. Поэтому мы сняли комнату в «Шато Мармон». Только оно и там до нас добралось. Причем в первую же ночь.

Ирэн спрашивает:

– Вы не пытались с ним поговорить?

– Мэгги пыталась, – говорит он. – Я – нет. Мэгги думала, оно настоящее. Я считал, нам нужен врач. Я думал, что мы его создаем сами – что бы это ни было. Мы попробовали обратиться к врачу. Не помогло. Так что со временем... – Он пожимает плечами.

– Со временем – что? – спрашивает Ирэн.

– Я уехала, – говорит Мэгги.

– Она уехала, – повторяет он.

Демону-любовнику интересно, знает ли Рэй другую часть истории, рассказала ли ему Мэгги. Конечно же, нет. Мэгги не дура. Эта история принадлежит им двоим, и демон-любовник в который раз думает, что именно это навсегда удержит их вместе. Не опыт совместных съемок фильма, не то, что они влюбились друг в друга именно тогда, когда все остальные влюбились в них, не эта магия, созданная из сюжетов, напряжения, повторов и монтажа, мастерства и желания других людей.

Они никогда не смогут рассказать никому о том, что произошло на самом деле. Эта история принадлежит только им. И никому другому.

– И после этого не было никакого привидения, – заключает он. – Мэгги на время ушла из Голливуда, поехала в Индию. Я стал ходить на собрания Общества анонимных алкоголиков.

Похолодало. Огонь стелется ниже. Ты, наверное, мог бы вообразить, что всему этому существует сверхъестественное объяснение, но это значило бы, что ты принимаешь желаемое за действительное. Пропавшая девушка, Джульетта, так и не вернулась. Оборудование для охоты за привидениями ничьего присутствия не показывает.

Мэгги обнаруживает демона-любовника с Пилар.

– Мы можем поговорить? – спрашивает она.

– О чём? – спрашивает он.

– Пойду возьму еще пива, – говорит Пилар. – Тебе принести, Мэгги?

Мэгги качает головой, и Пилар уходит, касаясь рукой бедра демона-любовника. Плоть о плоть. Он слегка поворачивается, чтобы не смотреть на огонь.

– Речь о премьере следующего сезона, – говорит Мэгги. – Я хочу снимать серию в Венис-Бич, в нашем старом бунгало.

Демон-любовник чувствует, как его захлестывает нечто странное. Льется ему в уши, хлещет в горло. Он не знает, что сказать. Он думал о Рэе, пока флиртовал с Пилар. Интересно, что будет, если он напрямую спросит Мэгги про мальчишку. Они никогда об этом не говорили. О том, что она делает.

– Я, конечно же, хочу, чтобы и ты был в этой серии, – говорит Мэгги.

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорит он. – Вообще-то, если честно, это ужасная идея.

– Я всегда хотела это сделать, – говорит Мэгги. – По-моему, это будет полезно нам обоим.

– Типа исцеление, бла-бла-бла, – говорит он. – Да, да. Что-то там про эксгибиционизм, что-то там про возможный тюремный срок. Ты *сошла с ума*?

– Послушай, – продолжает Мэгги. – Я уже поговорила с женщиной, которая сейчас там живет. С ней никогда ничего подобного не происходило. Уилл, мне необходимо это сделать.

– Конечно же, с ней ничего не происходило, – говорит демон-любовник. – Призраки осаждали не дом.

Кровь кипит – адреналин. Он оглядывается, чтобы проверить, не наблюдают ли за ними. Разумеется, наблюдают. Но они довольно далеко, и разговор кажется просто частной беседой. Удивительно, как это Мэгги не выдала их историю перед камерой. Только представьте себе драму. Конфликт. Рейтинги.

– Ты во все это веришь, – наконец говорит он. Пытается найти аргумент, который ее убедит. – Но почему бы тебе об этом просто не забыть? Ты знаешь, что произошло. Мы знаем, что произошло. Ты знаешь всю историю. Так какого хрена тебе надо знать больше? – Он перешел на шепот.

– Потому что каждый раз, когда мы вместе, она с нами, – говорит Мэгги. – Ты этого не знал? Она и сейчас здесь. Разве ты не чувствуешь ее присутствия?

Волосы у него на ногах, на руках, на шее встают дыбом. Во рту сухо, язык прилипает к небу.

– Нет, – отвечает он. – Не чувствую.

– Ты ведь знаешь, Уилл, – говорит Мэгги, – я буду осторожна. Я бы никогда не причинила тебе зла. И речь все равно не об этом. – Она наклоняется к нему и тихо шепчет: – Дело не в нас. Это нужно *мне*. Я просто хочу поговорить с ней. Я просто хочу, чтобы она ушла.

(1992) Они с Мэгги обзаводятся атрибутами нормальной жизни. Покупают посуду, мебель середины века и лампы. Заводят друзей среди коллег и закатывают вечеринки. На вечеринках иногда случаются странные вещи. Как, например, с той девушкой. Она пришла не одна. Они так и не узнают, кто ее привел. Она красива настолько, насколько это положено девушке, посетившей их вечеринку, то есть она на самом деле очень красивая.

Сейчас, когда прошло столько времени, демон-любовник почти не помнит, как она выглядела. Было много девушки и много вечеринок, и это было в совершенно другой стране.

У нее были длинные черные волосы. Большие глаза.

Демон-любовник и Мэгги пьяны в стельку. А девчонка хочет их обоих, и в конце концов они остаются втроем, – все остальные уходят на какую-то другую вечеринку. Они остаются, она остается, а остальные уходят. Они пьют; играет музыка, они танцуют. Потом девушка целует Мэгги, и он целует девушку – и вот они в спальне. Это очень весело. Они делают практически все, что можно сделать в постели втроем. И в какой-то момент девушка оказывается между ними, и всем очень хорошо, но потом она просит демона-любовника: *укуси меня*.

Ну же, укуси меня.

Он слегкакусает ее за плечо, а она говорит: нет, укуси по-настоящему. Сильнее. Я хочу, чтобы ты на самом деле меня укусила. Пожалуйста, укуси меня. И вдруг они с Мэгги смотрят друг на друга, и им уже не так весело. Они такими вещами не увлекаются.

Он кончает как можно скорее, потому что так или иначе был близок к этому. А девушка все еще умоляет, все еще просит о том, чего они не могут ей дать, потому что все это не по-настоящему, и вампиров на самом деле не бывает, и ситуация эта весьма неприятная... Мэгги просит девушку уйти. Та уходит, и они об этом не говорят. Просто ложатся спать. Спустя какое-то время просыпаются – девушка прошмыгнула обратно в дом. Позже выясняется, что она разбила окно и вскрыла себе вены. Она протягивает им окровавленные запястья и говорит: прошу вас, вот моя кровь, пожалуйста, выпейте ее. Я хочу, чтобы вы выпили мою кровь. Пожалуйста!

Они перевязывают ей запястья. Порезы не очень глубокие. Мэгги звонит своему агенту, Пайку, и тот находит кого-то, кто отвозит девушку в частную клинику. Он просит их ни о чем не беспокоиться. Выясняется, что девушке пятнадцать лет. А как иначе... Пайк снова звонит им, когда девушка выписывается из клиники и вскоре сводит счеты с жизнью. Оказывается, она уже не раз пыталась это сделать. Пыталась, пыталась – и вот ей, наконец, удалось.

Демон-любовник больше не разговаривает с Мэгги – из-за голой Пилар, – они оба голые, тут, конечно же, все голые, – но Пилар на самом деле очень милая, с ней весело общаться, и операторская работа в передаче действительно превосходна, а еще ей очень нравится демон-любовник. Она все время к нему прикасается. Говорит, у нее в хижине есть бутылка «Мэйкерс Марк», а он уже такой пьяный, каким редко бывал в последнее время. Выясняется, что они и в самом деле раньше встречались – на собрании Общества анонимных алкоголиков в Сильвер-Лейк.

Они хорошо проводят время. Секс – это вообще очень весело. Демон-любовник подозревает, что есть какой-то очевидный психологический диагноз, объясняющий, почему он занимается сексом с Пилар, какая-то потребность воспроизвести недавнюю историю и убедиться, что в этот раз получится лучше. Последний секс с девушкой, у которой была камера, для него кончился плохо. Он думает: да когда вообще все заканчивалось хорошо?

Потом они лежат на спине на грязном цементном полу.

– Моя подружка ни за что в это не поверит, – говорит Пилар.

Интересно, она попросит автограф?

Пилар делит хижину с пропавшей девушкой, Джульеттой. По всей хижине расставлены ее изделия – эрогами. Мужчины и женщины, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами во всех возможных комбинациях занимаются тем, что должно выглядеть эротично. Но ничего подобного – на самом деле это выглядит угрожающе. Наверное, все дело в прямых линиях.

Демон-любовник и Пилар одеваются – не ровен час вернется Джульетта.

– Ну, – говорит Пилар со своей койки, – спокойной ночи.

Он располагается на кровати Джульетты. Тихо лежит в темноте, пока не убеждается, что Пилар заснула. Почему-то он думает о Фаун. Не может не думать о ней. Ведь если он перестанет о ней думать, то придется думать о разговоре с Мэгги. Придется думать о Мэгги.

Айфон Пилар лежит на полу возле ее кровати. Он берет его. Пароля нет. Он набирает номер Фаун. Отправляет ей сообщение. Едва соображает, что пишет.

НАДЕЮСЬ, пишет он.

И продолжает писать ужаснейшие вещи. Сам не знает, зачем это делает. Может быть, она решит, что кто-то ошибся номером. Но он пишет о конкретных вещах, упоминает известные только им подробности, так что она поймет, что никакой ошибки нет.

Наконец приходит ответ.

КТО ЭТО? УИЛЛ?

Демон-любовник не отвечает. Продолжает писать: ГРЯЗНАЯ СУКА СТЕРВА ШЛЮХА ДРЯНЬ и так далее и тому подобное. Пока она не перестанет задавать вопросы. Конечно же, она знает, кто это. Она должна знать, кто это.

Секрет актерства, постановки сцены, создания образа, произносимого тобой текста, действий персонажа вот в чем. Само по себе все это не имеет ни малейшего значения. Любые, даже самые ужасные слова – все слова и оскорблений, которые он пишет в сообщении, могут менять свой смысл в зависимости от интонации. Можно сказать: «Грязная сука. Шлюха», – и каждый раз произнести это иначе: как шутку, как комплимент, как крик о помощи, как попытку очаровать и соблазнить. Можно убивать, быть вампиром, тварью без души. И зрители, несмотря ни на что, будут тебя любить. Если ты этого захочешь. Некоторые из них всегда будут любить тебя.

Ему не хватает воздуха. Он бросает телефон на пол, туда, где Пилар утром найдет его. Решает пойти к озеру. Ему нужно пройти мимо трейлера Мэгги, но он этого не делает. Только стоит на месте и смотрит, как из двери трейлера выскользывает какая-то тень, спускается по ступенькам и уходит прочь. Куда она подевалась? Ее уже здесь нет.

Рэй?

Демон-любовник мог бы пойти за ним следом. Но он не идет.

Вместо этого стоит и гадает, спит ли Мэгги. Дверь ее трейлера не заперта, поэтому демон-любовник заходит.

Идет к ней в спальню. Свет не горит. Она спит. Он ничего ей не сделает. Просто хочет увидеть ее в безопасности, увидеть, как она спит. Старые друзья могут заходить друг к другу.

Мэгги лежит в кровати, и он подходит ближе, чтобы увидеть ее лицо. В постели она не одна, рядом с ней кто-то есть.

Рэй смотрит на демона-любовника, и демон-любовник смотрит на Рэя. Правая рука Рэя лежит на груди Мэгги. Рэй поднимает другую руку и манит демона-любовника…

Наутро происходит то, чего следовало ожидать. Пока съемочная группа передачи «Кто там?» собирает вещи и готовится уезжать, Пилар обнаруживает сообщения у себя на телефоне.

– Это я сделал? – спрашивает демон-любовник. – Как же я был пьян… Неужели это моих рук дело? О боже! Черт возьми! О-о! – Он играет роль.

Это может плохо кончиться. О, он знает, насколько плохо. Пилар может хорошо заработать на его сообщениях. Если Фаун захочет, то сможет использовать их против него при разводе.

Остается только удивляться, почему он все время попадает в такие ситуации.

Фаун позвонила Мэгги. Теперь еще и с этим придется разбираться. Мэгги ждет, когда наконец соберется и уедет большая часть съемочной группы, – хочет с ним поговорить. Вообще-то ему самому уже давно пора было уехать. Его ждут дела. Нужно решить, куда лететь, купить новый телефон. Нужно позвонить пиарщику и агенту. Пора бы им начать отрабатывать свое содержание. Ему нравится, когда они заняты делом.

Рэя нигде не видно. Нельзя сказать, что демон-любовник об этом сожалеет.

Разговор с Мэгги получается невеселый. Они стоят на парковке, и какая-то женщина из съемочной группы – он не узнал ее в одежде – спрашивает Мэгги:

– Тебя подвезти?

– У меня завтра дела в Таллахасси, утреннее шоу, – отвечает Мэгги. – За мной заедут с минуты на минуту.

– О'кей, – говорит женщина. – Увидимся в Сан-Хосе. – Она с любопытством смотрит на демона-любовника – неужели Пилар уже начала болтать? – садится в машину и уезжает.

– Сан-Хосе? – спрашивает демон-любовник.

– Ага, – говорит Мэгги. – Дом Винчестеров.

– А-а, – говорит демон-любовник.

Ему наплевать. Он смертельно устал от всего этого: от Мэгги, от взятых взаймы шортов и футболки, от озера Апопка и призраков, которые так и не появились. От плохой рекламы.

Он наперед знает, что его ждет. Мэгги набрасывается на него с обвинениями. Он ей это позволяет. Когда женщины в таком состоянии, разговаривать с ними нет смысла. Он просто стоит и молча все это сносит. Когда она наконец замолкает, он даже не пытается сказать что-либо в свое оправдание. Не защищается. К чему слова? Он управляет со словами куда лучше, когда у него есть сценарий, не дающий в них утонуть. А сейчас сценария нет.

Конечно, рано или поздно они с Мэгги помирятся. Старые друзья прощаются друг друга. Нет ничего такого, чего нельзя было бы простить. Он думает, правда ли это, и тут на луг въезжает машина.

– Ну, – говорит Мэгги, – это за мной.

Она ждет, что он скажет. Он молчит, и тогда она говорит:

– Пока, Уилл.

– Я тебе позвоню, – наконец произносит демон-любовник. – Все будет хорошо, Мэгги.

– Конечно, – равнодушно говорит Мэгги. Она не старается выказать хоть какой-то интерес. – Позвони мне.

Она садится на заднее сиденье. Демон-любовник наклоняется, машет ей в окно. Она смотрит прямо перед собой. Водитель опускает стекло... Понятно, это опять Рэй. Конечно! Рэй смотрит на демона-любовника из окна. Вскидывает брови, улыбается, снова машет той же рукой. Подвезти?

Демон-любовник делает шаг назад. Его захлестывают непреодолимое отвращение и ужас. Его накрывает черная туча страха. Подобного он не испытывал уже много, много лет. Он сразу узнает это ощущение.

Вот и все. Машина трогается с места и увозит Мэгги. Некоторое время демон-любовник стоит на лугу. Он и сам не знает, как долго. Но достаточно долго, чтобы быть уверенным: он никогда не догонит эту машину, которая увезла Мэгги. Никогда.

Близится буря.

Дело вот в чем: Мэгги так и не появится на утреннем шоу в Таллахасси. Другая девушка, Джульетта Адейеми, все-таки найдется, но Мэгги больше никто никогда не увидит. Она просто бесследно исчезнет. Ее тело никогда не найдут. Главный подозреваемый – демон-любовник. Разумеется, он. Но доказательств нет. Улик тоже.

Ну а как же Рэй? Когда демон-любовник объясняется с полицией, общается с журналистами, выступает на ток-шоу, он снова и снова рассказывает одну и ту же историю. Я приехал, чтобы проводить свою давнюю подругу Мэгги. Познакомился с ее любовником Рэем. Они уехали вместе. Он был за рулем. Но его рассказ никто не подтверждает. Ни один человек не признает, что Рэй вообще существует. Нигде на видео Рэя нет. Рэя вообще там не было, и не важно, сколько раз демон-любовник объясняет, что произошло. Его спрашивают: как он выглядел? Вы можете его описать? «Он был похож на меня», – отвечает демон-любовник.

Когда он ждет очередного допроса в полиции, ему приходит мысль, что однажды обо всем этом снимут фильм. О Мэгги. Но он, конечно же, будет уже слишком стар для роли демона-любовника.

Тайная личность

Дорогой Пол Зелл!

Я, наверное, уже раз двенадцать, не меньше, написала «Дорогой Пол Зелл!». Потом еще несколько слов; ничего не получается, и я начинаю сначала. Поэтому на сей раз попробую кое-что новенькое. Притворюсь, что не пишу тебе это письмо, Пол Зелл, дорогой Пол Зелл. Мне так жаль. Правда, очень жаль, Пол Зелл, но давай пока пропустим это, иначе я и теперь не сдвинусь с места. Да и, в общем-то, разве важно, сожалею я или нет? И в самом деле, что это меняет?

Итак. Давай притворимся, что мы с тобой не знаем друг друга. Сделаем вид, что встречаемся в первый раз, Пол Зелл. Мы собираемся пообедать в ресторане нью-йоркского отеля. Я проделала долгий путь, чтобы пообедать с тобой. Мы никогда не видели друг друга. Все, что я когда-либо говорила тебе про себя, – неправда. Но пока ты этого не знаешь. Мы оба думаем, что у нас, возможно, любовь.

Мы познакомились в «Far Away». Но сейчас ты сидишь так близко, что я могла бы протянуть руку и коснуться твоей руки. Если бы это происходило на самом деле.

Официант налил тебе бокал красного вина. А я? Я пью колу. Тебе тридцать четыре. Мне почти шестнадцать.

Мне так жаль, Пол Зелл. Не думаю, что у меня получится. Но я должна это сделать. Так что давай попробуем снова. (Я все пробую, пробую, пробую...) Давай начнем издалека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.